Курс на Юг

Автор:
Борис Батыршин

Курс на Юг

Борис Борисович Батыршин

К повороту стоять! #3

Третья, завершающая книга цикла «К повороту стоять».

После серии неудач гордая Британия запросила, наконец, пощады. И пока дипломаты главных европейских держав перекраивают карту мира на международной конференции в городе Триест, вспыхивает новый конфликт – далеко от Балтики и Средиземного моря, в водах, омывающих самую дальнюю оконечность южноамериканского континента.

И тут, конечно, не обошлось без уже знакомых нам героев: все трое, в новых ролях и на новых должностях, принимают в событиях самое активное участие.

Другие воды… другие звёзды… другие интересы. Но, так или иначе, дело всё равно решают мины, тараны, броня и пушки боевых кораблей и, конечно, выучка, отвага и самоотверженность тех, кто несёт на них службу.

Кроме того, друзьям придётся проявить себя и на фронте тайной войны – здесь, на самом краю света у Российской Империи могут возникнуть самые неожиданные интересы…

Борис Батыршин

Курс на Юг

© Борис Батыршин, 2021

Пролог

Юг Тихого Океана.

Побережье Чили,

Вблизи порта Икике.

21 марта 1879 года.

Струя из брезентового рукава, направляемого руками смуглолицего матроса, окатила палубу. Вода расплёскивалась по сторонам прозрачными искрящимися брызгами, но ручейки, стекающие в шпигаты, были мутными, розовые от смытой с тиковых досок крови. Порядок на военном корабле – прежде всего, даже если огромные стволы ещё тёплые от недавних выстрелов, если броня башни и каземата испещрена следами попаданий, а краска, предмет особой заботы всякого боцмана, ободрана осколками и щепками от разбитого вражескими снарядами рангоута. Кровавые лужицы пятнали изуродованную палубу, скапливаясь в трещинах и выщерблинах тиковых досок – там, где по ним прошлись очереди картечницы.

Когда бомба, пущенная с дистанции в полтора кабельтовых из башенного орудия, разнесла один из котлов «Эсмеральды» и перебила всех, находящихся в кочегарках, корвет потерял ход. Правда, попытка ударить тараном перуанцам не удалась, но картечный залп из пары десятидюймовок (бой к тому моменту вёлся уже не на пистолетной – на "ножевой" дистанции) прошёлся по вражеской палубе метлой смерти. Командир корвета, капитан Артуро Пратт, подгоняемый то ли безумной храбростью, то ли осознанием неизбежного конца, перепрыгнул

на возвышенный бак монитора, размахивая саблей и револьвером. Увы, команда не поддержала его порыва, и за Праттом последовал только один человек, сержант морской пехоты. Оба храбреца немедленно были застрелены, «Уаскар» же дал задний ход, отошёл на половину кабельтова и снова ринулся на таран. Тогда-то остатки команды несчастной «Эсмеральды» и кинулись в отчаянии на абордаж – и могли бы добиться успеха, если бы не «Гатлинг», встретивший осатаневших после героической, но совершенно бессмысленной гибели Пратта чилийских матросов. Тяжёлые пули прошивали человеческие тела, раскалывали тщательно выскобленные тиковые доски и бессильно отскакивали от броневой палубы. Дюжина человек были сметены в считанные секунды – это их кровь смывали сейчас в шпигаты бурлящие струи воды.

– Поздравляю вас, сеньор адмирал! – голос вахтенного офицера прерывался от восторга. – Это грандиозная победа! Теперь чилийцы сто раз подумают, прежде чем выйти в океан!

Мигель Грау досадливо поморщился – ему отчего-то сделалось неловко за мальчишку. Ещё один такой наивный энтузиаст лежит сейчас с маленькой дыркой посреди лба в судовом лазарете – единственная жертва этого боя.

Впрочем – единственная ли?

– Прислушайтесь, мичман… – он указал сложенной подзорной трубой на зюйдовую сторону горизонта, откуда то и дело доносился глухой гул. – Что скажете?

Юноша с недоумением воззрился на начальство.

– Орудийная канонада, сеньор адмирал. Думаю, это, «Индепенденсия» добивает «Конадонгу».

«Индепенденсия», броненосный фрегат британской постройки под командой капитана первого ранга Хуан Гильермо Мур, сопровождал «Уаскар» в этом рейде. В самом начале боя, когда монитор сцепился с незадачливой «Эсмеральдой», адмирал передал Муру приказ: преследовать второй чилийский корабль, канонерку «Конадонга», пытающуюся уйти, прижимаясь к прибрежному мелководью.

– У наших преимущество в ходе почти в два узла. – продолжал тем временем мичман. – Так что чилийцам от них не…

Адмиральский указующий перст, обтянутый белым шёлком, взлетел к небесам.

– По-вашему, мы слышим главный калибр «Индепенденсии»?

Мичман прислушался – и недоумённо нахмурился.

– Пожалуй, вы правы, сеньор. Для семи дюймов звук несколько… жидковат.

– А я о чём? Чилийская же канонерка несёт семидесятифунтовки, и я готов поклясться мощами Санта-Розы де Лима, что это – их нежный голосок. А теперь спросите себя: почему молчат пушки фрегата?

И, дождавшись, когда лицо сопляка нальётся краской смущения, добавил:

– То-то, мичман. Боюсь, мы выиграли всего лишь первое, и далеко не самое крупное сражение тяжёлой войны. Командуйте штурвальным поворот. Идём на помощь Муру – что-то у меня дурные предчувствия…

– Вижу дымы! – заорал сигнальщик. – Мачты вижу! Два судна на зюйд-зюйд-тень-ост! Дистанция…

Адмирал, не дожидаясь, пока унтер, закончит возиться с микрометром Люжоля, раздвинул свою подзорную трубу – новомодных апризматических биноклей он не признавал. Подкрутил резкость вгляделся и нахмурился. Увиденное ему решительно не понравилось.

На горизонте ясно различались в оптических стёклах два комплекта мачт. Один принадлежал гафельной шхуне – «Конадонга», чилийская канонерка! И второй: куцые, укороченные перед боем по самые бочкообразные боевые марсы, мачты «Индепенденсии», красы и гордости флота Республики Перу! Но… почему эти мачты так нелепо перекошены?

Предчувствия не обманули адмирала. Преследуя «Конадонгу» и конвоируемый ею пароход «Ламар», командир броненосного фрегата допустил роковую ошибку. Не добившись успеха в стрельбе из погонного орудия (единственная попавшая в цель бомба пронизала, не разорвавшись, деревянный корпус канонерки) он утратил хладнокровие и попытался завершить схватку таранным ударом. Но не тут-то было: командир «Конадонги», тридцатишестилетний капитан первого ранга Карлос Конделл умело маневрировал на мелководье вблизи берега, раз за разом уворачиваясь от смертоносного бивня. И – удача любит храбрецов! Когда «Индепенденсия» приблизилась на один кабельтов и уже готова была поразить хрупкое судёнышко своим носорожьим бивнем, пуля, пушенная со шканцев, насмерть поразила рулевого. Продолжая начатый поворот, бронированный утюг на полном ходу вломился на каменистую банку – и замер с сильным креном на правый борт.

На этом сражение закончилось, началось избиение. Могучий главный калибр броненосца сразу стал бесполезен – на огонь «Конадонги» отвечала единственная картечница Гатлинга. А Конделл, не торопясь, зашёл на «Индепенденсию» с кормы и принялся громить её продольными залпами. И, пока не возникла на горизонте единственная мачта «Уаскара» – успел всадить в броненосец дюжину разрывных бомб. После чего помахал перуанцам ручкой и отправился догонять «Ламар». А Мигель Грау, провозившись до ночи с попытками стащить искалеченный броненосец с мели, плюнул и приказал Муру сжечь «Индепенденсию», предварительно сняв с неё пушки. И даже из этого мало что получилось – матросы, измотанные долгим боем, переправили на берег лишь две бесценные (с современной артиллерией у перуанцев дела обстояли неважно) армстронговские семидюймовки.

Так что адмирал в итоге оказался прав: это была лишь первая победа. К тому же, как выяснилось, Пиррова – ведь даже такому неисправимому энтузиасту, как вахтенный мичман «Уаскара», не достало бы оптимизма назвать равноценным размен броненосного фрегата, самой мощной боевой единицы перуанского флота, на старый деревянный корвет.

Часть первая. Игры джентльменов

I

Май, 1879 г. Англия, Лондон.

За три месяца до описываемых событий.

Улицы Пэлл-Мэлл и Сент-Джеймс стрит, расходящиеся от Сент-Джеймского дворца, разительно отличаются от неухоженных улочек, тянущихся всего в нескольких кварталах оттуда. Здесь настоящий имперский Лондон – выскобленные до блеска мостовые, строгие, как премьер-министры, констебли, великолепные лошади в дорогих экипажах. Район слывёт джентльменским оазисом, оплотом холостяцкой жизни лондонского общества. Его так и называют: «Клабленд». Тринадцать джентльменских клубов, оплот традиций, оплот политической и общественной жизни лондонской элиты. Вернее сказать, мужской её части – женщины в заведения Клабленда не допускаются ни при каких обстоятельствах.

Клабленд начинается от площади Ватерлоо, у самого подножия мемориала гвардейцам в шинелях и лохматых медвежьих шапках, погибшим на Крымской войне. Фигуры эти, как и фигура Флоренс Найтингейл, первой, если верить британским историкам, сестры милосердия, отлиты из бронзы русских пушек, взятых в захваченном Севастополе – весьма, весьма актуальное напоминание в свете текущей политики Британской империи. Увы, сравнение это отнюдь не в пользу дня сегодняшнего…

Итак, Клабленд. Средоточие лондонской политики, «Реформ-клуб» лейбористов и оплот их политических недругов, консервативный «Карлтон-клуб». А неподалёку – «Клуб Путешественников», членам которых вменялось в обязанность хотя бы раз в год удаляться от Лондона не менее, чем на пятьсот миль. Другая достопримечательность этого клуба – комната, под названием «Кофейная», единственное место в клубе, где нельзя пить кофе.

«Если вы уже стали членом клуба – примите наши поздравления, однако не стоит привлекать излишнее внимание к этому. Даже если клуб входит в число знаменитых – сообщить о своем новом статусе полагается как бы, между прочим, спокойно, слегка небрежно.

Если вы пригласили в клуб гостя, имейте в виду, что он может быть не знаком с его правилами, и лучше рассказать о них заранее. Встречайте гостей у входа, а еще лучше – приходите вместе с ними. Если же пригласили Вас – имеет смысл заранее уточнить у приглашающего нюансы.

Недопустимо обсуждать в публичных беседах доходы, семью, детей; о политике тоже лучше не говорить, для этого есть специально отведенное время и место. Не стоит так же блистать неумеренным остроумием. О чем же говорить, о погоде? Как ни удивительно, но именно о ней. Погода – очень важная тема, ее можно обсуждать с различными нюансами и примерами, не боясь никого задеть…»

Нет, не о погоде беседовали двое, с комфортом устроившиеся в креслах у большого мраморного камина, главного украшения «Кофейной». Если состояние атмосферы и занимало этих достойных, джентльменов – то лишь в краях, весьма и весьма отдалённых не только от Пэлл-Мэлл и Сень-Джеймс Сквера, но и от меловых утёсов Дувра, окаймляющих юг Англии.

– Вам следует поторопиться, друг мой. Эскадра выходит из Портленда через неделю, чтобы оказаться в Южной Атлантике до начала сезона весенних штормов. А вам, прежде, чем подняться на борт посудины Её Величества предстоит ещё визит в Париж – по тому же делу.

Говорил невысокий джентльмен с круглым, украшенным пышными усами лицом, что делало его до некоторой степени похожим на сэра Рэндольфа Черчилля, известного возмутителя спокойствия в Палате Общин. Часовая цепочка, свитая из золотых нитей в виде якорного каната, неприметная орденская розетка в петлице фрака, и полустёртая татуировка в виде якоря у основания большого пальца, выдавали в нём моряка.

– Для вас приготовлена каюта на корвете «Боадицея». Капитан предупреждён, никто не будет докучать вам вопросами. Для команды вы – учёный-лингвист,

отправляющийся изучать языки племён южных Анд.

– Слабовато верится, милорд. – отозвался второй джентльмен. – Чёртовы репортёры растиражировали мою физиономию по всем лондонским печатным листкам – теперь меня каждая собака узнает, если обнюхает…

И верно, внешностью он обладал весьма примечательной: лет пятидесяти или немного больше, очень смуглое, костлявое лицо с широким лбом и раздвоенной бородой. Левую щёку украшал глубокий уродливый шрам. Бросалась в глаза трость с массивным набалдашником из слоновой кости и инкрустацией в виде арабской вязи, украшающую тёмный, почти чёрный дуб. Вопреки принятым в клубе порядкам, смуглолицый не отдал трость при входе лакею, а взял с собой и вертел в пальцах, даже сидя в кресле.

– Ну, так вы сами и виноваты, дорогой Ричард! После ваших скандальных публикаций о любовных обычаях обитателей Востока, газеты в вас души не чают… на свой манер, разумеется. Вы для них – постоянный источник скабрёзностей, скандалов и увлекательных историй.

– Не стоит преувеличивать, милорд. – смуглолицый скривился в усмешке, которую впечатлительный человек мог бы назвать оскалом. – Когда это было! С некоторых пор я торчу безвылазно на консульской должности в Триесте и веду жизнь до отвращения благочестивую и размеренную.

– Как, например, во время недавнего визита на Ближний Восток? – моряк тонко усмехнулся в усы. – Кстати, русские до сих пор считают вас погибшим. Не стоит разочаровывать их, дорогой Ричард, тем более, что дела вам предстоят весьма серьёзные. На вашем месте я бы сбрил бороду – всё же, так вас будет труднее узнать.

Кому надо, узнают. – буркнул смуглолицый, машинально потерев шрам. – Я прибуду на борт «Боадицеи» перед самым выходом в море, а уж там пусть узнают, сколько угодно. Надеюсь, на военных кораблях Её Величества нет русских шпионов?

– Я бы тоже хотел на это надеяться. – вздохнул моряк. – хотя, теперь ни в чём нельзя быть уверенным. Наши агенты в Петербурге докладывают, что при русском Адмиралтействе создан особый департамент, занимающийся

исключительно разведкой. Кстати, возглавляет его ваш старый знакомец, граф Юлдашев. Не забыли, надеюсь?

– Такое, пожалуй, забудешь… – сухие, похожие на узловатые корни, пальцы стиснули шафт трости. – Ведь это его я должен благодарить за срыв операции в Порт-Саиде.

– Ничего, друг мой, срывы случаются у кого угодно. – примирительно отозвался собеседник. – Даже у великого Шекспира были неудачные строки. Но теперь всё в ваших руках. Он взял с каминной полки большой конверт тёмно-коричневой бумаги, запечатанный пятью вишнёвыми сургучными печатями.

– Здесь подробности вашего нового задания. Документы, рекомендательные письма к некоторым высокопоставленным лицам в Чили и Аргентине. Вы ведь, если мне не изменяет память, бывали в тех краях?

– Память вам не изменяет. – сухо отозвался смуглолицый. Я несколько лет состоял в должности консула бразильском Сантусе и немного попутешествовал по стране.

– «Немного» – это когда вы пересекли континент с востока на запад и встретили Рождество, отстреливаясь в Андах от враждебно настроенных индейцев? А когда такая спокойная и размеренная жизнь вам наскучила – отметились на фронтах какой-то мелкой местной заварушки?

– Если вам угодно назвать «мелкой заварушкой» жуткую резню, которую уругвайские мясники учинили в Парагвае вместе со своими союзниками из Бразилии и Аргентины – то да, сподобился, побывал. И желал бы поскорее забыть о том, чему стал там свидетелем. Три тысячи детских трупов на поле сражения при Акоста-Нью до сих пор видятся мне в ночных кошмарах.

– Ну-ну, друг мой! – моряк примирительно поднял перед собой ладони. – Не стоит принимать это так близко к сердцу. Туземцы, если, конечно, оставить их без присмотра, режут друг друга, предаваясь этому занятию с энтузиазмом, достойным лучшего применения. Зато во время своих латиноамериканских странствий вы перевели на английский местные сказания аборигенов, а заодно и бессмертные поэмы великого Камоэнса. Надеюсь, вы владеете испанским не хуже, чем португальским?

Вопрос был праздным. Обоим было отлично известно, что смуглолицый, будучи чрезвычайно одарённым лингвистом, более-менее уверенно владел несколькими десятками языков и наречий, включая арабский, суахили и язык индейского племени тупи-тупи.

– Так вот, дружище, это задание – ваш шанс реабилитироваться в глазах Первого Лорда Адмиралтейства, а то и самого премьер-министра. Они, знаете ли, косо смотрят на вас после провала в Порт-Саиде. И тогда… – моряк сделал многозначительную паузу, – …и тогда, надеюсь, я смогу назвать вас сэром Ричардом Фрэнсисом Бёртоном. Ведь деяние такой важности достойно ордена Святого Михаила из рук Её Величества!

II

Май 1879 г.

Северное море, траверс маяка Весткапелле.

«Если снова хочешь в гости к тётке Кэрри,

Так не мешкай, собирайся к тётке Кэрри,

Где цыплят своих бедовых кормит в море тётка Кэрри,

Прощай!..»

Песенка доносилась из распахнутого по случаю солнечной погоды иллюминатора. Барон Греве потянулся, с удовольствием, хрустнув суставами, закинул руки на белоснежную, отделанную кружевами, подушку и покосился вправо. Прелестная головка Камиллы покоилась рядом – каштановые кудри рассыпаны по простыне, розовое ушко выглядывает из-под спутанных кудрей, так и манит… Свежеиспечённая баронесса отдыхала после бурной, полной амурных утех, ночи.

Вот и пусть себе отдыхает. «Луиза-Мария» возвращается в Остенде после короткого рейса к берегам Дании, предпринятого ради пробы машин, прошедших после недавнего драматического плавания в Индийский океан полную переборку и частичную модернизацию. И у законного владельца пароходной компании (неважно, что она досталась ему в качестве приданого супруги), конечно, полно дел. Покойный первый муж Камиллы, прежний владелец парохода, и сам был когда-то капитаном – только не в военном флоте, а в торговом. Так что команду не удивит, что и новый хозяин не гнушается спускаться в кочегарки, часами пропадает в машинном отделении, забирается в угольные ямы, а в промежутках между этими занятиями – подолгу стоит на мостике рядом с шкипером, достопочтенным мсье Девиллем.

И уж конечно, все помнят, как новый владелец «Луизы-Марии» впервые появился на борту. Случилось это посреди Индийского океана, когда русский клипер «Крейсер» остановил пароход, идущий в Карачи с трюмами, полными ящиками с винтовками, патронами и прочей воинской амуницией. Этот груз, безусловно, попадал под определение военной контрабанды – Россия на тот момент уже несколько месяцев находилась в состоянии войны с Британской Империей, – так что судно ждала незавидная участь. Но командир русского клипера пожалел «Луизу-Марию» – рука не поднялась топить белоснежную красавицу. С элегантными, почти гоночными обводами, сильно наклонёнными к корме мачтами, она больше походила на частную яхту, нежели на грузовой пароход, и только широкие люки трюмов да грузовые тали, свисающие с нижних реев, выдавали её коммерческое назначение. «Мой покойный супруг, – рассказывала мадам Камилла русскому мичману, поставленному во главе призовой команды, – строил «Луизу-Марию» как особое судно. Он заявил, что на её борту никогда не будет кирпича, цемента, угля, железнодорожных шпал и рельсов, бочек с машинным маслом, деталей машин – всех этих необходимых, но унылых атрибутов цивилизации. И действительно, трюмы «Луизы-Марии» обычно наполняли особые грузы: ценные сорта дерева, хлопок, фрукты, пряности, ткани. И только в одном-единственном рейсе в них загрузили оружие и амуницию, предназначенные для британской армии – и надо же было именно тогда напороться на русских!

Итак, «Луизу-Марию» было решено не топить. «Приз» под командой барона Карла Греве (очаровательная «пленница» к тому моменту уже успела вскружить мичману голову) сопровождал «Крейсер» в головокружительном рейде к берегам Индии, где русские моряки высадили на берег мятежников-сипаев, освобождённых ранее из каторжной тюрьмы на Андаманских островах и

вооружённых винтовками, взятыми из трюмов трофея Так что, оружие всё же попало в Индию – правда, совсем не к тому, кто был указан в коносаменте[1 - Документ, выдаваемый перевозчиком груза грузовладельцу. Удостоверяет право собственности на отгруженный товар.]…

После этого, к удивлению шкипера, мсье Девилля русские отпустили «Луизу-Марию». Но это не обрадовало владелицу парохода: мадам Камилла заперлась в своей роскошной каюте, а в те редкие моменты, когда она появлялась на палубе в сопровождении Лиззи, своей горничной-мулатки, глаза её предательски блестели. А когда по телеграфному проводу в Аден, куда «Луиза-Мария» зашла для мелкого ремонта, пришло известие о гибели русского клипера в схватке с британской эскадрой у берегов Занзибара, женщина три дня подряд не показывалась из каюты.

К счастью, новая телеграмма развеяла её горе. Барон Греве оказался жив. В бою он потерял кисть левой руки, но это не слишком сильно огорчило мадам Камиллу – она сразу сообразила, что полученное увечье вынудит барона выйти в отставку, а значит, можно будет захомутать его всерьёз и надолго. Морской офицер, немец по происхождению – ну хорошо, остзейский немец, кого в Европе интересуют подобные тонкости? Отличившийся в боях, отмеченный наградами (после заключения мира на моряков пролился дождь из крестов и орденов разных стран), барон со своей длинной родословной, восходящей от рыцарей Тевтонского Ордена – чем не партия для очаровательной вдовы, да ещё и владелицы солидной пароходной компании?

Свадьба состоялась в начале мая, после чего молодожёны поднялись на борт «Луизы-Марии» и пароход вышел в море. В светских гостиных Брюсселя повздыхали, посетовали на неугомонную натуру мадам Камиллы – и единодушно заключили, что супруги вполне стоят друг друга.

Женщина вздохнула и перевернулась на спину. При этом шёлковая простыня сползла, открыв нескромному взору супруга восхитительную грудь, просвечивающую сквозь легчайший шёлк пеньюара. Барон судорожно сглотнул – на миг мелькнула мысль плюнуть на назначенную на утро инспекцию рулевых механизмов и задержаться ещё на пару часиков на супружеское ложе. Камилла любит предаваться любовным утехам именно по утрам, когда её тело ещё теплое ото сна, нежно-расслабленное, податливое…

Нет. Нельзя. Греве помотал головой, отгоняя соблазнительную картину, и позвонил в колокольчик. Дверь распахнулась – горничная-мулатка словно того и ожидавшая, появилась на пороге каюты с подносом, на котором стоял кувшин с горячей водой и были разложены бритвенные принадлежности. Барон вздохнул, бросил прощальный взгляд на жену и проследовал вслед за Лиззи в туалетную комнату.

«А когда утихнет буря – в гости к тётке Кэрри,

Через все водовороты – к тётке Кэрри,

Где цыплят своих бедовых кормит в море тётка Кэрри,

Прощай!..»

Звуки песенки-шанти по-прежнему неслись из иллюминатора. Волны, накатывающиеся с норд-оста, со стороны Скандинавии, бились в скулу, машина, стучавшая размеренно, словно отлаженный часовой механизм от лучших швейцарских мастеров, вдруг сбавила темп, задышала медленнее, переходя на холостой ход. На палубе боцман что-то орал по-фламандски, ему вторили скрипы канатов и гулкое уханье палубных матросов, высвистанных к авралу. Всё ясно: шкипер Девилль, торопясь поймать попутный ветер, приказал ставить паруса, под которыми «Луиза-Мария» ходила немногим хуже, нежели под раскочегаренной до полных оборотов машиной – новенькой, тройного расширения, изготовленной всего два года назад на лучшем механическом заводе Англии.

Раз-два взяли! На скрипучий кабестан нажмем дружнее.

Так держать! Да подтяните, чтоб на брашпиль весь канат,

Грот поднять! Распущен стаксель, крепче принайтовить реи,

Взятку морю – ну-ка за борт, как обычаи велят!

Ах, прощай, ах, прощай, мы опять идем в моря,

К черту ром, да и девчонку прочь с колен – отплывай!

«Торопись – кричит нам ветер, – все не зря, все не зря, Поспеши, пока попутный! Раз-два-три – не зевай!

Если снова хочешь в гости к тетке Кэрри,

Так не мешкай, собирайся к тетке Кэрри,

Где цыплят своих бедовых кормит в море тетка Кэрри

Прощай!..»[2 - Р. Киплинг, «Якорная»]

Камилла наклонила серебряную, исходящую ароматным кофейным паром бульотку, и наполнила чашки. За ланчем, сервированным в пассажирском салоне «Луизы-Марии» она предпочитала обходиться без услуг горничной. Лиззи только подала кофе со свежими, выпеченными на парижский манер, круассанами, положила на угол стола газеты, полученные со голландского пакетбота, и удалилась. Барон, сделав маленький глоток обжигающего, чёрного, как смола, напитка, развернул лондонскую «Таймс».

«…война в Афганистане, начавшаяся в ноябре 1878 года, принесла нам сплошные разочарования. Войска терпели поражения, и армии еле-еле удалось избежать полного разгрома. Это вызвало брожение среди некоторых индийских раджей, видевших в ослаблении Британии шанс для восстания. Вскоре начались беспорядки в Индии, спровоцированные выводом британских войск из Кандагара. Но это были лишь отголоски надвигающейся бури.

После того, как Особый Туркестанский Корпус генерала Гурко вторгся в вице-королевство со стороны Гиндукуша и Сулеймановых гор, в Индии вспыхнуло восстание, грозящее если не уничтожить вовсе наше господство в этой стране, то, во всяком случае, сильно его поколебать. При этом Британия оказалась крайне затруднена в части снабжения – как из-за развёрнутой Россией крейсерской войны, так и из-за потери Суэцкого канала. Последнее обернулось подлинной катастрофой, в особенности на фоне прочих неудач Королевского Флота. Но теперь, когда пушки смолкли и судьбы мира решаются не на морских просторах, а в кулуарах конференции в Триесте, мы вправе задать правительству вопрос: сколько ещё будут продолжаться эти мятежи, равно губительные для престижа Британской Империи и для её экономики с финансами?..»

– Досадные неудачи! – презрительно фыркнул Греве. – Это так господа «просвещённые мореплаватели» называют потерю сначала Балтийской, потом Средиземноморской эскадр, а потом ещё и унизительный щелчок по носу, которым их наградили янки в Чесапикском заливе? Да, на какие только словесные ухищрения не пустишься, чтобы хоть чуть-чуть смягчить тягостное впечатление от поражений…

Камилла пожала плечиком.

– Думаю, ты не вполне прав, мон шер ами. Кабинет Гладстона у власти меньше трёх месяцев, и вину за все неудачи британская пресса валит на ушедшего в отставку Дизраэли и его министров. Автор этой статьи смотрит в будущее: без сильного флота Индию не удержать, и в Британии вовсю обсуждают новую кораблестроительную программу, которая позволила бы восполнить понесённые потери. Можешь не сомневаться, вскоре программа эта будет представлена в парламент, и я боюсь даже предположить, о каких суммах там пойдёт речь…

Греве кивнул и покосился на жену с подозрением. Его супруга – поистине обворожительная женщина, и в постели неподражаема, но… сколько раз его предупреждали избегать связей с чересчур умными и деятельными представительницами слабого пола? А ведь любой известной ему даме, попадающей под это определение, его жена даст сто очков форы по части разума и кипучей энергии.

– … но дело, конечно, совсем в другом. – продолжала Камилла, не замечая (или делая вид, что не замечает?) как вытянулась физиономия супруга. – Пока Гибралтар, Сингапур и подобные им приморские твердыни сидят, как пробки в бутылках, в самых важных для мировой торговли узостях – англичане могут чувствовать себя вполне уверенно. Что до броненосцев… – она мило улыбнулась и сделала ещё глоточек кофе, – то они могут наклепать сколько угодно, верфей и заводов в Англии достаточно, да и мастеровые пока не все взяты во флот матросами. Впрочем… – Камилла сложила газету, – я уверена, что твои бывшие начальники хорошо это понимают.

Барон медленно кивнул.

– Ладно, что это мы о политике, да о политике? – она улыбнулась мужу и, шурша накрахмаленными юбками, поднялась со стула. – Я буду ждать в каюте милый

Шарль. Как только закончишь свои скучные дела – приходи. Надеюсь… – на этот раз улыбка была откровенно вызывающей, – …надеюсь, мы до ужина найдём занятие поувлекательнее.

И выпорхнула за дверь, оставив лёгкий аромат корицы и жасмина.

Барон проводил жену взглядом, помотал головой, отгоняя соблазнительное видение того, что ждёт его в каюте, и подошёл к стоящему в углу салона бюро на гнутых ножках. Ключиком, привешенным к часовой цепочке, отпер ящик. Вытащил конверт из толстой тёмно-коричневый бумаги, извлёк из него листок – и нахмурился. В верхнем углу, на синеватой веленевой бумаге, красовался лиловый штамп Морского министерства Российской Империи.

«Привет и долгие годы жизни тебе, Гревочка, друг любезный! Вроде, и двух месяцев не прошло с нашей прошлой встречи – а сколь много в них уместилось! Для начала, прошу извинить меня за то, что не смог присутствовать на твоём бракосочетании; назначение моё в Триест, в нашу делегацию на конференции по Суэцкому каналу, в самый последний момент было отменено. Заодно сорвалась и поездка в Европу, которой я намеревался воспользоваться, чтобы посетить ваше с прелестной мадам Камиллой торжество. Что поделать, mon amie, служба, служба! Письмо это отсылаю не обычной почтой, а с оказией – позже ты поймёшь, почему…»

Добравшись до этих строк, барон Греве пожал плечами. «Оказия» означала дипломатическую корреспонденцию русского консула в королевстве Бельгия – пакет из тёмно-коричневой бумаги был доставлен ему на дом посольским курьером, что, наряду с казённой адмиралтейской печатью, подтверждало особый статус послания, весьма далёкий от дружеской переписки. С тех пор барон не раз и не два перечитал послание Остелецкого – слишком уж важными и тревожащими были содержащиеся в нём известия.

«…всё понимаю, друг мой: сладость медового месяца, новые знакомства, вхождение в высший свет, да ещё сугубо деловые хлопоты – как же, целая пароходная компания, это тебе не дежурная вахта на «Крейсере»! Однако же – памятуя о службе государевой, которая, смею надеяться, и для тебя пока ещё не

пустой звук, принуждён обратиться с просьбой. Ведомство, которое я в настоящий момент имею честь представлять, до крайности заинтересовано в том, чтобы ты изменил планы и предпринял вояж – и не куда-нибудь, а к берегам Южной Америки, к самым скалам Магелланова пролива, которыми мы с тобой и с товарищем нашим Серёжкой Казанковым бредили ещё в Училище. Кстати, о Казанкове – он сейчас направляется в город Новый Йорк на борту корвета «Витязь», где состоит в должности старшего офицера. Да ты, наверное, помнишь – его спускали на воду в день нашей встрече в Петербурге, и мы даже слышали учинённую по сему поводу салютацию. Это, скажу тебе, Гревочка, какая-то нерусская поспешность и поворотливость: всего полтора месяца прошло с момента, когда судно покинуло стапель Балтийского завода – а его уже достроили и оснастили для первого плавания. Глядишь, и встретитесь cmonsieur Казанковым; конечно, Южная и Северная Америки изрядно отстоят одна от другой – а всё же это ближе, чем от твоего Остенде или наших столичных пенатов.

Касательно поручения, которым моё начальство намерено тебя обременить. По причинам, которые должны быть тебе понятны, я не могу изложить их в этом послании. Поступим так: в конце мая я буду во Франции, в Париже, там и встретимся. Я подробнейше тебе всё объясню, а заодно, отметим изменение твоего семейного положения, как подобает старым товарищам. Счастливец ты, Гревочка: мне-то с моими невысокими чинами ещё нескоро светит получить разрешение на брак; впрочем, пока я и намерения-то такого не имею. Что до нашего Серёжи, то он, сдаётся мне, до сих пор хранит в сердце траур по ненаглядной своей Ninon, и даже недавняя военная компания не принесла бедняге душевного спокойствия. Ну да Господь ему и судья и утешение.

Засим – прощаюсь, и рассчитываю на скорую встречу. По прибытии в Париж потрудись остановиться в отеле «Le Meurice». Говорят, гостиница эта весьма недурна; я сам тебя там разыщу.

P.S. Кстати, о жизни семейной – советую, искренне советую, дружище, помозговать о том, как представить предстоящую поездку очаровательной madame Gr?ve. Жёны – они, брат ты мой, такие: неохотно отпускают мужей от себя, особенно сразу после свадьбы. Не хотелось бы, чтобы моя просьба обернулась для тебя семейными неурядицами…»

Барон дочитал письмо до конца, сложил в конверт, запер в секретер, и задумался. Совет Остелецкого, содержавшийся в постскриптуме, был далеко не праздным: следовало, в самом деле, как-то объяснить Камилле предстоящую отлучку. Планируя бракосочетание, они собирались в начале июня отправиться в долгое свадебное путешествие на «Луизе-Марии», для того и проверяли судно после ремонта в нынешнем плавании. Теперь планы придётся пересматривать.

Взгляд его упал на книжный, вишнёвого дуба, шкаф. На верхней полке красовались нарядные переплёты собрания сочинений французского писателя и футуровидца Жюля Верна. Барон души не чаял в его романах, проглотил из бессчётно ещё во время учёбы в Морском Училище – и, оказавшись в Бельгии перво-наперво выписал из Парижа дорогущее издание в богатом коленкоровом, с золотым тиснением, переплёте и иллюстрациями, переложенными папиросной бумагой. Камилле же, не одобрившей увлечения «низкопробной беллетристикой» (её собственные слова!) он заявил, что приобрёл книги чтобы попрактиковаться во французском – благо, русские переводы он знает едва ли не наизусть.

Решение пришло сразу: если лорд Гленарван превратил свадебное путешествие на яхте «Дункан» в спасательную экспедицию – то почему бы ему, барону Греве, не совместить своё свадебное путешествие с выполнением поручения ведомства, в котором состоит Венечка Остелецкий? В конце концов, чем шотландский аристократ лучше остзейского барона? Надо только найти романтический и убедительный повод, способный увлечь воображение новобрачной.

Барон задумался – недавно в одной из брюссельских газет ему попалась любопытная заметка. Тогда он посмеялся и выбросил её из головы – но теперь она может прийтись весьма кстати. Надо, решил барон, сразу по возвращении, разыскать автора, чтобы спланировать всё ещё до встречи с Остелецким в Париже. К тому же, если верить некоторым сугубо деловым корреспонденциям, напечатанным в газетах, поездка эта может оказаться весьма полезной для семейного предприятия, в которое превратилась теперь пароходная компания, приданое баронессы Греве.

И барон потянулся к нижней полке шкафа, где хранились подшивки газет и журналов.

III

Красное Село, возле Санкт-Петербурга.

Май 1879 г.

Остелецкий дал лошади шенкеля. Рыжая донская кобыла (лошадей им дали казаки, состоявшие при штабных конюшнях, предупредив, что выбрали для «ихних высокородий» коняшек посмирнее, потому как знамо дело, моряки) фыркнула, вылетела вслед за гнедой графа Юлдашева на гребень холма – и встала. Дальше дороги не было. Склон обрывался песчаной кручей, и внизу, в дюжине саженей, в узком дефиле, проходила на рысях батарея лейб-гвардейской конной артиллерии. Донской казачьей батареи. Могучие вороные кони, по шесть в запряжке, чёрная с красными лампасами и выпушками форма ездовых и фейерверкеров, ротмистр, батарейный начальник – сбоку колонны, в клубах пыли, поднятой высокими колёсами орудий и передков, что-то неслышно орёт, и пышный султан развевается над каской с золочёным налобником в виде двуглавого орла…

Сборы в Военном лагере Красного Села в разгаре. Вдали, за речкой Лиговкой, виднеется Царский валик, и туда-то направляются конно-артиллеристы. Дальше, за Лабораторной рощей белеют ряды парусиновых солдатских палаток. Их ставят в начале мая, когда полки прибывают в Военный лагерь на сборы. Офицеры же квартируют неподалёку, в деревянных благоустроенных домах, выкрашенных в цвета полков. Обыкновенно в красносельских сборах участвуют десятки тысяч военных, а в редкие годы Больших Манёвров, – например, в 1853 м, перед Крымской Войной, их здесь разместилось до ста двадцати тысяч. К середине мая размещение полков заканчивается и начинается первый, строевой и стрелковый этап сборов. После полки занимаются ротными и батальонными полевыми экзерциями, и в августе сборы завершаются большими манёврами.

Сейчас многих полков, обычных гостей Военного лагеря, на месте нет. Одни на Балканах, другие переброшены на юг, в Туркестан, к афганской границе, на

случай возобновления боевых действий в Индии. Даже гвардия – и та ещё не в полном составе, не все полки успели вернуться в столицу. Однако ж ряды палаток по-прежнему стоят плотно – места отсутствующих полков заняли команды военных училищ. Вот они, кстати, следом за конно-артиллеристами – Николаевское кавалерийское училище проходит строем, с песней.

«Едут, поют юнкера Гвардейской школы,

Трубы, литавры на солнце блестят.

Грянем «Ура!», лихие юнкера,

За матушку Россию, за русского Царя!..»

Алые кепи, положенные к летней форме, алые обшлага на чёрных мундирах – красуются николаевцы, форсят, не приведи Господь! Это пока сабельные ножны у них обычные, обтянутые чёрной кожей, с латунными наконечниками и устьями. Но каждый, к гадалке не ходи, предвкушает счастливый момент, когда сможет бросить в стальные, начищенные до зеркального блеска, ножны палаша серебряный гривенник – для звона, по обычаю лейб-кирасир и кавалергардов.

«Справа повзводно, сидеть молодцами,

Не горячить понапрасну коней.

Грянем «Ура!», лихие юнкера,

За матушку Россию, за русского Царя!..»

Разумеется, далеко не всякому суждено попасть в гвардию. Это участь избранных; прочим же после выпуска предстоит разъехаться по армейским гусарским и драгунским полкам, тянуть унылую служебную лямку. Но кто ж об этом задумывается в восемнадцать-то годков от роду?

«Справа и слева идут гимназисточки,

Как же нам, братцы, равненье держать?

Гей песнь моя, любимая,

Буль-буль-буль бутылочка казённого вина!..»

Ротные начальники недовольно оглядываются, грозят кулаками – ишь чего, удумали, вставлять неположенный припев про «буль-буль-буль»! А николаевцам хоть бы хны, им сейчас сам чёрт не брат!

«Здравствуйте, барышни, здравствуйте, милые,

Съемки у нас, юнкеров, начались!

Гей песнь моя, любимая,

Буль-буль-буль бутылочка казённого вина!..»

– Хороши, прохвосты! – с удовольствием сказал Юлдашев, когда колонна николаевцев миновала дефиле, и можно стало говорить, не глотая пыль, поднятую сотнями копыт. – Ну что ж, полюбовались, Вениамин Палыч, и к делу. Вы, верно, гадаете, зачем я пригласил вас на эту прогулку?

Остелецкий наклонил в знак согласия голову. Юлдашев, ставший после официального перехода молодого человека в департамент военно-морской разведки его непосредственным начальником, нередко выбирал для важных бесед необычные места, предпочитая их казённой тиши кабинетов. «В нашем деле, Вениамин, – поучал он молодого сотрудника, – никогда нельзя забывать, что у любых стен могут оказаться уши. А на открытом воздухе – парке, к примеру, или в лесочке загородном – кто нас подслушает?»

– … так о чём бишь я? – продолжал Юлдашев. Он потрепал рыжую по шее, и та мотнула головой в ответ на ласку. – С николаевцами нам сегодня ещё предстоит встретиться. По итогам завершившейся кампании решено создать особые морские пластунские команды. В них набирают добровольцев, как из стрелков, так и из казаков и матросов. Так же решено зачислять добровольцев из последних выпусков военных училищ. Берём, разумеется, только тех, кто подходит по нашим требованиям. А они весьма строгие – из десятка желающих хорошо, если один проходит!

– Неужели в Николаевском тоже сыскались охотники? – удивился Остелецкий. – Где кавалерия, а где флот?

– Ещё как сыскались, друг мой. Особенно когда узнали, какое положено от казны жалование. Сами знаете: армейские корнеты и прапорщики, из тех, кто живёт

только лишь на казённый кошт, отнюдь не роскошествуют. Хотя и не бедствуют, конечно.

Веня согласно кивнул. В самом деле, кое-кто из будущих кавалеристов вполне мог польститься на высокое жалование и перспективы быстрого роста по службе.

– Морские пластунские команды будут состоять при военных судах, несущих заморскую службу или совершающих дальние походы. – продолжал граф. – Повышенное жалование, как я уже сказал, выслуга лет год за два, ну и подготовка, разумеется: стрельба из разных типов винтовок и револьверов, приёмы рукопашного боя, владение холодным орудием любых видов. Плаванье, действия под водой с помощью особых приспособлений именуемых «водолапти». Это, видите ли, нечто вроде перепончатых лап на ноги, а к ним – парусиновые перчатки с перепонками между пальцев. Очень, говорят, удобно и быстро плавать под водой получается, куда быстрее, чем привычным способом, дрыгая ногами-руками, аки лягушка. Изобрёл их унтер-офицер Лопатин во время Дунайской кампании, а мы вот позаимствовали…

Остелецкий усмехнулся – надо же, чего только русский человек не придумает! Граф меж тем развивал тему:

– …гимнастика, это обязательно, артиллерийская наука, начальный курс. Кроме того, специальные дисциплины, вроде подрывных работ и ведения разведки. А для проявивших себя особо – телеграфное и шифровальное дело. Вот, кстати, почему наше ведомство курирует их подготовку… Морские пластунские команды, как я уже упомянул, создаются с учётом опыта прошедшей кампании. Например, некоторым нашим рейдерам приходилось высаживать разведочные партии на сушу, совершать диверсии против объектов неприятеля, захватывать стоящие на якорях суда – и, если судить по рапортам начальников партий, им крайне не хватало подготовленных людей. Матросики, конечно, и бравые и силушкой бог не обидел – но тут-то требуются особые навыки…

Остелецкий снова кивнул.

– Верно, Александр Евгеньич. Припоминаю, рассказ моего товарища по Морскому Училищу лейтенанта Казанкова, как они взрывали маяки на Мысе Доброй Надежды…

– Вот-вот, что-то в этом роде я и имею в виду. – согласился Юлдашев. – Собственно, я и привёз вас сюда, чтобы познакомить с одной из таких команд. Они тут, недалеко, за Лабораторной рощей лагерь себе устроили. Вы приглядитесь к ним, оцените. В миссии, которая вам предстоит, эти молодцы могут очень пригодятся.

– Ну, как вам наши подопечные, Вениамин Палыч? – осведомился Юлдашев. – Видел, как внимательно вы к ним присматривались, и даже поупражнялись за компанию.

Действительно, понаблюдав за упражнениями «морских пластунов» на невиданных сооружениях из брёвен, канатов и канав с водой, Остелецкий не утерпел: спросил у распоряжающегося занятиями хорунжего, можно ли раздобыть подходящую одежду вместо морского мундира. А когда требуемое (выцветшие парусиновые шаровары и рубаху-косоворотку из ткани бледно-зелёного цвета) принесли – присоединился к одной из групп. И сразу понял, что не в состоянии угнаться за этими ловкими, жилистыми, подвижными, как ртуть молодцами – несмотря на то, что в Морском Училище числился одним из первых по гимнастике и фехтованию.

После обеда, поданного прямо к «учебному городку», занятия продолжились, но уже в «классах». Остелецкий посетил «класс телеграфистов» – большую палатку-шатёр, где учащиеся, устроившись за лёгкими столиками, стучали ключами, упражняясь в азбуке Морзе. Заглянул в соседний шатёр, в котором на длинных дощатых, покрытых брезентом, столах были разложены части винтовок разных систем, а неторопливый, усатый унтер объяснял «ученикам» особенности сверхметкой стрельбы и прицеливания с помощью новомодных ружейных телескопов. Посетил он и полянку, где на присыпанных песком площадках проходили занятия по штыковому бою, французского ножного боксинга «сават» и каким-то неведомым ухваткам с применением палок, ножей и кривых кинжалов-бебутов. Об этих последних надзирающий за упражнениями казачий урядник объяснил, что бебуты – личное холодное оружие «морских пластунов». Они не слишком громоздки, ухватисты, а в ближнем бою позволяют, при наличии должного навыка, отбиться от сабли или абордажного палаша.

– Что тут скажешь, Александр Евгеньич? – ответил Венечка. Впечатляет. Если бы мы всех солдат так готовили… но я понимаю, это невозможно в армейских полках. Да, пожалуй, и незачем. А вот иметь в каждом полку подобную команду – это было бы, думается мне, весьма полезно!

– Так ведь лиха беда начало, друг мой! – весело отозвался Юлдашев. – Уже решено, что лучшие выпускники этих курсов станут инструкторами при подготовке нового набора. Пока только для флота – но дайте срок, и до армии дело дойдёт. Вы мне вот что скажите: присмотрели кого-нибудь себе в команду?

Веня кивнул.

– Есть несколько молодцов – да вот, я их в книжечку записал. Один, как вы и говорили, из Николаевского кавалерийского, фамилия – Серебренников. Двое казаков, трое флотских унтеров, и ещё один, Георгий Лукин – тоже из юнкеров, артиллерист, бывший студент Технологички. Мне его особо рекомендовали как знатока взрывного дела.

– Вот и ладушки. Вы, голубчик, уж потрудитесь, отберите ещё человек с пяток – и начинайте занятия в составе команды. Кстати, давно собирался спросить – вы испанским языком, владеете?

– Поверхностно, Александр Евгеньич. Читать ещё кое-как могу, а вот с разговорной речью не очень.

– Вот и займитесь. Я распоряжусь прикомандировать к вашей команде офицера, свободно владеющего испанским – попрактикуйтесь, да и с людьми вашими позанимайтесь – чтобы каждый три-четыре десятка самых употребительных оборотов знал. И, кстати…

Юлдашев сделал паузу.

– Вы тут давеча упомянули о вашем товарище по Морскому Училищу, лейтенанте Казанкове. Не исключено, что вам предстоит встретиться с ним – но не здесь, в Петербурге, а уже по ту сторону Атлантики. Так что завтра жду у себя, в Адмиралтействе. Обсудим кое-какие детали вашей миссии – и за дело. Времени у вас, почитай, совсем не осталось.

IV

New York Herald, САСШ

…июня 1879 г.

«…перуанский броненосец «Уаскар», прославившийся два года назад стычкой с британской эскадрой, отличился вновь! Потопив в морском бою возле порта Икике чилийский корвет «Эсмеральда» (при этом героически погиб командир корвета, капитан Артуро Пратт), монитор продолжил крейсерство и уже на следующий день ворвался в гавань захваченного чилийцами боливийского порта Мехильонес, где устроил настоящий погром, потопив около десятка различных судов. После чего направился к порту Антофагаста, где чилийцы высаживали с транспортов подкрепления, и подверг порт бомбардировке, несмотря на ответный огонь береговых батарей и канонерской лодки. Перед тем, как вернуться в Кальяо, командир «Уаскара» адмирал Мигель Грау велел перерезать подводный телеграфный кабель, связывающий Антофагасту с Вальпараисо и Кальдерой, а на обратном пути перехватил и потопил несколько чилийских шхун с воинскими грузами…»

«Berliner B?rsen-Courier», Берлин

…июня 1879 г.

«…на международной конференции в Тильзите снова кипят страсти! Британская делегация отказалась обсуждать поправки в итоговый документ о статусе Суэцкого канала, ссылаясь на то, что Германия и Франция предпринимают агрессивные действия в западной части Индийского океана, в частности…»

«Le Petit Journal» Франция, Париж.

…июня 1879 г

«…наши экспедиционные силы высадились в порту Анцирана на северном побережье острова Мадагаскар. С моря высадку поддерживали огнём орудий новейшие крейсера «Риго де Женуиль» и «Эклерир», а так же броненосец третьего ранга «Ля Галлисоньер», специально отозванный из Карибского моря, где он охранял интересы французских колоний в Вест-Индии.

Напомним читателям, что король мальгашей, Радам II-й ещё в 1861-м году предоставил секретные концессии нашему соотечественнику Жозефу-Франсуа Ламберу. Но после злодейского убийства короля двумя годами позднее, концессии были отменены, причём малагасийские власти отказались возмещать убытки, понесённые гражданами Франции. Переговоры, продолжавшиеся с перерывами более пятнадцати лет, результата не дали, и в результате власти Третьей Республики приняли решение о вводе войск на Мадагаскар. Не приходится сомневаться, что став протекторатом Франции, эта позабытая Богом и цивилизацией земля…»

«С.-Петербургские ведомости»

…июня 1879 года.

«Нам пишут из Занзибара:

«…русско-германская эскадра в составе пяти вымпелов – полуброненосный фрегат «Князь Пожарский», клипер «Вестник», а так же корветы Кайзерлихмарине «Винета» и «Лейпциг» в сопровождении канонерской лодки «Альбатрос» нанесли визит в Занзибар. Это первый совместный поход такого рода. Эскадра была встречена на рейде «салютом наций» из двадцати одного пушечного залпа. Султан Занзибара Сеид Баргаш ибн Саид аль-Бусаид вышел навстречу боевым кораблям на яхте «Глазго», отремонтированной после морского сражения в декабре прошлого года, где яхта султана вместе с русским клипером «Крейсер» вступила в бой с британской крейсерской эскадрой. Наш корреспондент особо отмечает, что русские корабли в Занзибаре встречали с восторгом; на состоявшемся на следующий день приёме во дворце султана командиры «Пожарского» и «Вестника» были удостоены ордена Бриллиантовой Звезды Занзибара. Такую же награду получил и начальник германского отряда капитан первого ранга Фолькман фон Арним. Во время визита прошли переговоры об устройстве на острове совместной русско-германской угольной

станции и ремонтных мастерских для военных судов, совершающих плавания в западной части Индийского океана. Особо отмечено, что услугами этих мастерских смогут пользоваться и суда заново создаваемого (не без помощи Второго Рейха и нашего Отечества) занзибарского флота…»

«Times» Лондон

…июня 1879 г.

«…пощёчна Британской Империи! Власти Китая объявили о запрете всем без исключения нашим судам посещать порты как материкового Китая, так и острова Формоза[3 - Устаревшее название Тайваня]. В то же время при Цинском дворе ходят упорные слухи о грядущем полном запрете торговли опиумом по всей территории Поднебесной. На центральной площади китайской столицы публично обезглавлены сто высокопоставленных чиновников, обвинённых в потворстве торговцам опиумом. Так же объявлено о введении смертной казни для причастных к этому иностранцев…

…Палата Общин единодушно приняла резолюцию, требующую от кабинета Гладстона предпринять самые решительные меры. Однако, из-за обстановки, сложившейся на конференции в Тильзите, а так же из-за потерь, понесённых Королевским Флотом в недавней кампании, это может быть вызвать известные затруднения…»

V

Северная Атлантика.

Июнь 1879 г.

– Все наверх, паруса ставить!

Перекличка боцманских дудок – точь-в точь, как в роще, населённой спятившими соловьями – пронеслась по кораблю. Дружный перестук босых пяток – на палубе в тёплую погоду матросам велено было снимать тяжёлые матросские башмаки, сберегая белизну тщательно выскобленных тиковых досок. Разбежались по местам, марсовые – глядя на них, человек неискушённый и впечатлительный, схватился бы за сердце. Это же какой страх: сначала вскарабкаться на верхотуру марсов и салингов по верёвочным ступенькам-выбленкам вант, потом встать босыми пятками на перт – трос, натянутый под толстенным рангоутным деревом, – и лёжа на нём животом, перебирать ногами, пока не доберёшься до нока реи. А молодцам-марсовым привычно: они уже на местах, и по команде боцмана их тёмные от смолы и табака, твёрдые, словно можжевеловые корневища, пальцы распускают узлы на бык-горденях[4 - снасть, с помощью которой нижняя кромка прямого паруса подтягивается к рею.]. Тяжёлые полотнища парусов, освобождённые от пут, падают, разворачиваются – и с громким хлопком выгибаются, принимая ветер.

Из трубы едва курится жиденький дымок. Бронзовый, напоминающий бронзовый цветок с четырьмя лепестками лопастей, гребной винт поднят в кормовую шахту – впереди долгий переход, надо использовать любую возможность, чтобы сэкономить уголь. Паруса дружно взяли ветер, и «Витязь», накренившись на левый борт, разгонялся на низкой волне. Погода заставляла радостно петь сердца моряков – на небе ни облачка, от горизонта до горизонта, вода ртутно сияет под солнцем, и только где-то на страшной высоте мелькает крохотное пятнышко – королевский альбатрос, вечный скиталец морей, которого невесть каким ветром занесло из южных широт в Северную Атлантику.

Аврал продолжался недолго. Матросы вернулись в кубрик, добирать недолгие часы сна перед вахтой. Вперёдсмотрящие и сигнальщики замерли на своих местах, а лейтенант Сергей Ильич Казанков облокотился на ограждение мостика и по-хозяйски огляделся по сторонам. Ветер ровный, судно бежит резво, на палубе полный порядок, боцмана бдят, вахтенный офицер толковый – а не спуститься ли в каюту, уделить время заброшенному с самого Кронштадта дневнику?

Ещё на «Москве», после захода в Нагасаки, когда судно отправилось в Портленд для ремонта и переборки машин, Серёжа, уступив просьбам Карлуши Греве (а как отказать увечному герою?) дал ему почитать свои записки. Барон проглотил их единым духом, после чего, не слушая возражений смущённого автора, заявил, что будет сущим преступлением перед читающей российской публикой не

опубликовать эти труды – «да вот, хотя бы и в иллюстрированном журнале «Нива», они охотно печатают путевые и военные заметки!»

Шутки шутками, а по прибытии в Петербург, Серёжа действительно отослал изрядно исправленные и переработанные выдержки из своего дневника в редакцию. И был немало удивлён, когда они появились в очередном номере, после чего – выходили регулярно, занимая три полных разворота, да ещё и с иллюстрациями! Редактор «Нивы», Фёдор Николаевич Берг убеждал молодого человека ни в коем случае не бросать, как он выразился «прозаических упражнений» и даже поговаривал об издании его «рудов отдельной книжкой-приложением.

«Не слушайте, голубчик того, что твердят господа Салтыков— Щедрин и прочие фрондирующие личности из круга «Отечественных записок» о том, что наше издание якобы потакает обывательским и буржуазным вкусам! – убеждал Серёжу Берг. – А хоть бы и потакаем – так и что с того? Читатель любит «Ниву», и недаром по числу подписчиков мы уступаем, разве, лондонскому «Illustrated London News». Лучшего старта для начинающего литератора не придумать – особенно для того, кто пишет на военные темы, и не с чужих слов, а, подобно графу Толстому, опираясь на собственные впечатления. Тем более, вы моряк, а морские походы, сражения, бытовые зарисовки из флотской жизни у читателя теперь в почёте. Кому ж, как не вам о сём писать? Так что дерзайте, друг мой, дерзайте!..»

Такие речи, конечно, льстили молодому человеку – пожалуй, не меньше, чем и пачки писем от «благодарных читателей», которые аккуратно пересылали ему из редакции. Но хлопоты, связанные с оснасткой и подготовкой «Витязя» к первому выходу в океан съедали всё время новоявленного литератора время без остатка. И вот, теперь, когда выдалась свободная минутка – почему бы не выполнить обещание, данное Бергу и не взяться, наконец, за перо?

Из дневника С.И. Казанкова.

«…не могу не отметить, сколь сильно изменилась российская жизнь. Конечно, я смотрю на эти перемены глазами морского офицера – но всё же, они поистине удивительны! И произошли они за какие-то полтора года, миновавшие с нашей победы в кампании на Балтике. Мне же это тем более очевидно, что я по долгу

службы почти всё это время отсутствовал в пределах Отечества. Судите сами. То, на что раньше требовалось полгода, теперь успевают сделать за две недели, и ещё сетуют на волокиту! Вроде, и крапивное семя наше, чиновники от всяко-разных департаментов никуда не делись – а словно бы и их подменили! Работают не за страх, а за совесть, да и мздоимство, как мне говорили люди знающие, не то, чтобы вовсе прекратилось, но его стало гораздо меньше. С трудом верится, конечно: Россия есть Россия, здесь спокон веку не перевозились охотники запустить руки в казну – а всё же, наводит на размышления.

Что до господ «революсьонэров», этих радетелей за благо народное, отрыжку господ Герцена и Некрасова, то замечу следующее. Если раньше за ругательные слова о Государе можно было схлопотать по физиономии, разве что, от лабазных сидельцев с Сенного рынка 0 то теперь и в университетской аудитории за то же самое могут произвести такое «оскорбление действием», что останется либо секундантов, либо пускать себе пулю в лоб от позорища. Но ни первое не второе к господам либералам и народовольцам не относится – жидковат народец, мелковат. Таких хватает только на то, чтобы взрывать бомбами ни в чём не повинных людей, а потом убегать с места злодеяния, как записным прохвостам и трусам. А что вы хотели, судари мои: патриотический подъём, после победной войны иначе и быть не может!

Фабричная и заводская промышленность демонстрирует отчётливый рост – то, чего России так не хватало! В деревнях молодые парни всё чаще снимаются и, наплевав на общинный уклад жизни, подаются в город, в фабричные. Там и ремеслу обучат, и жалованье положено твёрдое. В одном Петербурге три новых механических завода уже достроены, ещё два стоят в лесах, и заказы от адмиралтейские да Военного Министерства для них уже расписаны на пять лет вперёд.

Да, темпы строительства, что гражданского, что военного, в особенности в области судостроения, теперь какие-то фантастические. Взять хотя бы наш «»Витязь»: где это видано, чтобы корабль второго ранга (три с половиной тысячи тонн водоизмещения – это вам не жук чихнул!) построенный по передовому проекту, со стальным корпусом и новомодным британским изобретением, называемым «карапасная», сиречь, выпуклая, броневая палуба, достраивался и снаряжался к заморскому походу за месяц после спуска на воду! Однако ж – так оно и есть, и палуба «Витязя», которая содрогается под моими ногами – мы идём в полный бакштаг, вздев фок, грот, все марсели и косые паруса, так что и на такой скорости удары набегающих волн в скулу весьма

даже чувствительны, – наилучшее тому подтверждение.

Однако ж потери в минувших кампаниях, что в балтийской, что в океанской, весьма велики. Перед российскими судостроителями стоит задача: заново создать как Черноморский, так и новый, Средиземноморский, флоты. Наши собственные верфи и механические заводы не справляются – впору заказывать новые суда и корабли во враждебной Англии! Но это, конечно, невозможно – британские верфи загружены, Королевский Флот спешно восстанавливает былую численность, и приходится размещать заказы в Германии, Франции и даже у заокеанских судостроителей. К одному из таких и лежит сейчас мой путь, определённый казённым предписанием, полученным из Морского министерства…»

Выкроить время для дневника так и не удалось. Не успел Серёжа заполнить своим мелким бисерным почерком даже одной страницы (он всегда тщательно обдумывал фразы, прежде чем перенести их на бумагу, оттого помарок с исправлениями было немного), как над головой застучали матросские пятки и засвиристели в свои дудки боцмана. Серёжа поспешно запер тетрадку в ящик стола – не хватало ещё, чтобы вестовой увидел его «прозаические упражнения»! В глубине души он осознавал, что углубившись в материи, слабо ему известные и не до конца понятные (что мог знать о России морской офицер, не вылезающий из заморских походов и военных кампаний?), он склонен идеализировать перемены, происходящие в Империи. К тому же, пережитая личная трагедия, гибель невесты от бомбы террористов, не могла не наложить отпечаток на все суждения, сделав его чересчур пристрастным – а допустимо ли это для литератора, который должен, если верить многочисленным критикам, предлагать читателю непредвзятый взгляд на события?

Нет уж, подумал он, взбегая наверх по узкому трапу, лучше писать о том, что он видел собственными глазами и знает доподлинно: о войне, кораблях, морской службе, о картинах быта и обыденной жизни моряков, столь любезные читателям «Нивы». Вот, к примеру: почему бы не описать в очередной главе дневника аврал, из-за которого надувают сейчас щёки усачи-боцмана, высвистывая команду – "все наверх, рифы брать!"

Погода меж тем портилась. С норда наползали лохматые облака, несущие дождевые шквалы, и командир корвета, изучив в трубу горизонт, распорядился оставить на мачтах одни марселя, взятые в два рифа. И верно, ветер вскоре

усилился до шести баллов. Он заунывно свистел в снастях стоячего такелажа, срывал пенные гребни с валов, высотой достигавших уже верных шести футов. Ещё не шторм, но уже очень свежий ветер – такой, дай ему только шанс, с лёгкостью ломает брам-стеньги, сносит не убранные вовремя лисель-спирты, превращая судно в беспомощную игрушку разыгравшейся стихии.

Но к счастью, на «Витязе» всё было сделано вовремя и корвет, подгоняемый крепчающим норд-остом, резал волны – да так, что пенные брызги взлетали до самых марсов, валы то и дело захлёстывали бак, прокатываясь по шкафуту, разбивались о ходовой мостик, который на корвете вынесен перед дымовой трубой и кожухами вентиляторов. Серёжа порадовался, что в «духам» в кочегарках не нужно сейчас усердствовать, а держать пар на «стояночной» марке, не давая остыть котлам – иначе дым из трубы, с каждым порывом ветра накрывал бы мостик чёрной пеленой, от которой скрипит в зубах и на белоснежных манжетах и остроконечных воротничках-«лиселях» остаются жирные угольные пятна.

К шестой склянке командир предложил спуститься в кают-компанию. Вахтенный мичман проводил их завистливым взглядом – ему-то предстояло торчать на мостике ещё полтора часа. У Серёжи зуб на зуб не попадал: клеёнчатый непромокаемый плащ он неосмотрительно оставил в каюте, из-за чего промок во время аврала насквозь, и чашка «адмиральского» чая – сейчас было самое то.

После пары глотков крепчайшего напитка, щедро разбавленного чёрным ромом, молодой человек немного отошёл, и даже нашёл в себе силы поддерживать беседу. Командир корвета сидел напротив и делал маленькие, аккуратные глотки из фарфоровой, с золотым силуэтом «Витязя», чашки – сервиз этот преподнесло кают-компании перед выходом в море общество офицерских жён.

– Жаль мне отпускать вас, Сергей Ильич. Двух месяцев не прослужили, только-только освоились – и вас уже забирают!

– Благодарите господина Повалишина. – вздохнул Серёжа, доливая опорожнённую на четверть чашку ромом. – Это он постарался. А моё дело маленькое: получил приказ – и отправляйся в САСШ, принимать надзор за строительством нового монитора. Я ведь, как вам известно, и на кораблях этого класса послужил в балтийскую кампанию, и с американцами имел дело, когда наша «Москва» заходила в Портленд для докования. Вот и сочли, что для меня такое задание подойдёт в самый раз.

– Ну, решили, значит, решили. – согласился собеседник. – Начальству, знамо дело, виднее.

Серёжа кивнул, отхлёбывая «адмиральский чаёк». Капитан второго ранга Григорий Павлович Чухнин слыл среди офицеров «Витязя» фаталистом – после того, как пушки адмирала де Хорси в щепки расколотили корвет, которым он командовал, Чухнин вернулся в Россию – и вместе с орденом Святого Владимира с мечами получил новый корвет, носящий то же название, что и погибший у берегов Южной Америки.

– На Балтике-то вы изрядно погеройствовали. – продолжал командир. – Да и потом, на «Москве», тоже отличились. Егория-то, батенька, просто так, за понюх табаку не дают…

Серёжа чуть заметно порозовел – он так и не научился скрывать смущение, когда речь заходила о его собственных заслугах. О других – сколько угодно: он с удовольствием рассказывал об одиссее Карлуши Греве на «Крейсере», о самопожертвовании моряков «Чародейки» и «Адмирала Грейга», ушедших на дно со своими кораблями при Свеаборге. Но – чтобы о себе? Нет уж, увольте, тем более, что и Чухнину есть, о чём порассказать. Вступить на краю света в бой с двумя неприятельскими кораблями, каждый из которых был сильнее его корвета, а один, «Трайумф», ещё и нёс броню, и при этом суметь спасти от гибели и плена почти всю команду – это ли не настоящий подвиг?

А командир его мучений, похоже, не замечал. Или делал вид, что не замечает – и продолжал беседу.

– Значит, новый монитор американской постройки будет мореходным? Это для того, чтобы своим ходом перейти через Атлантику?

– Скорее уж, через Тихий Океан. – ответил Серёжа, обрадованный тем, что Чухнин сменил тему. – На Западном побережье САСШ для нас строятся два монитора – один в Портленде, а другой на юге, в городке Вальехо, это вблизи Сан-Франциско. Оба предназначены для защиты Владивостока; туда им и предстоит направиться после ходовых испытаний.

– Тихий Океан, говорите? – кавторанг недоверчиво покачал головой. – Что-то слабовато верится. Как вспомню наши балтийские броненосные лодки – куда им соваться в открытый океан! Они-то и по Финскому заливу с бережением ходят…

Серёжа насупился – ему стало обидно за свои любимые мониторы. Хотя Чухнин прав, и остаётся надеяться, что «американцы», в самом деле, будут избавлены от подобных недостатков.

– Если вы помните, Григорий Палыч, американский двухбашенный монитор «Миантономо» ещё до войны пересёк Атлантику и заходил с визитом в Кронштадт. А эти, новые, думаю, помореходнее.

Ну, дай Бог, дай Бог… – покивал Чухнин. – А сейчас – давайте-ка, батенька, допивайте чаёк, переоденьтесь в сухое, и ступайте наверх. Как там наш мичманец справляется? Ветер что-то разыгрался, не вышло бы чего…

VI

Франция, Париж,

Июнь 1879 г.

В июле Париж великолепен – особенно после того, как барон Осман по указанию Наполеона III-го обустроил для прогулок парижан Булонский лес и парки Монсури и Бют-Шомон. А, главное, безжалостно перекроил средневековые улочки и кварталы, прорезав их широкими бульварами-осями, открывающими восхитительные перспективы на городские достопримечательности. И, что бы ни твердили злопыхатели касательно того, что сделано это отнюдь не для удобства фланирующей публики, а чтобы удобнее было картечными залпами разгонять очередную «революцию» – всё равно, чудо, как хорошо стало в этом городе, подлинном сердце Европы!

– Опять я толком не увижу Париж! – жаловался Греве, шагая рядом с Остелецким. Оба были в партикулярном платье, а барон, кроме того, вертел в пальцах изящную, с серебряным набалдашником тросточку. Другую руку, согнутую в локте, он прижимал к боку, и только внимательный наблюдатель разглядел бы, что пальцы в чёрной кожаной перчатке не шевелятся.

– Перед свадьбой мы на два дня заехали сюда с Камиллой – так целыми днями только и делали, что мотались по модным магазинам! Как будто, нельзя было по почтовому каталогу выбрать и заказать…

– Не понимаешь ты женского сердца, Карлуша. – усмехнулся Остелецкий. – Для любой уважающей себя дамы посещение модистки или, не дай бог, шляпной лавки сродни священнодействию, никакими каталогами его не заменить.

– Всё равно досадно! Думал провести здесь хотя бы недельку, а тут – давай-давай, гони гусей! Повременить, что ли, нельзя?

– Нельзя, дружище! Никак нельзя, уж не обессудь. Времени у нас всего ничего – не позже, чем через три дня нам надо быть в море.

– «Нам»? – барон подозрительно сощурился. – У меня вообще-то медовый месяц…

– Постараемся вас не стеснять. «Луиза-Мария», если верить описанию в регистре Ллойда – достаточно крупное судно. Прикажешь оборудовать для моих людей помещение в низах кубрик, ну и мне какую ни то каютку выделишь – мешать вам не будем, слово чести. Ну, разве что, сам захочешь побеседовать…

Побеседовать им было о чём. Старые приятели встретились, как и было условлено, в ресторане отеля «Le Meurice», и после недолгого обеда, отправились прогуляться по бульварам. «У стен есть уши, – наставительно говорил Остелецкий, – а в отеле в особенности. Дела наши секретные, так что давай-ка, побеседуем на свежем воздухе. Так спокойнее».

Их в самом деле никто не беспокоил, хотя на бульваре Сен-Жермен было довольно оживлённо. По брусчатке тарахтят железные шины экипажей и цокают лошадиные подковы, с лотков на высоких тонких колёсах торгуют жареными каштанами, сладостями и имбирным лимонадом. Остроглазые девицы в крахмальных наколках, с корзинами свежесрезанных фиалок и тюльпанов

предлагают душистый товар фланирующим парочкам. Деловито беседуют на ходу мужчины в кепи и котелках, а одинокие зеваки, высматривают свободную скамейку, чтобы устроиться на ней с газетой. Никто ни на кого не обращает внимания – и только вездесущие гамены шныряют в опасной близости от карманов прогуливающейся публики.

– Вы бы поостереглись, Гревочка. – Остелецкий цыкнул на особо шустрого оборванца в драном солдатском кепи и рабочей блузе до колен, пристроившегося, было, за спиной у барона. – Вмиг без портмоне останетесь!

Греве покосился на сорванца, нахмурился и угрожающе поднял трость. Мальчуган отскочил, сделал непристойный жест и выкрикнул что-то непонятное, но наверняка обидное. Барон ответил юному прохвосту оборотом из малого шлюпочного загиба.

– Да оставьте вы его, барон… – Остелецкий схватил Греве за рукав, не давая тому перейти от слов к действию. – эти оборванцы тоже, своего рода, парижская достопримечательность. Сочинения Виктуара Гюго помните? Не исключено, что вы сейчас едва не вытянули по плечам какого-нибудь Гавроша. И, не забывайте: мы с вами не в Охотном Ряду. Если так уж хочется обложить кого-то по матушке – используйте тевтонскую речь, она в плане сквернословия весьма богата и занимательна.

Говорили они по-немецки, которым оба владели в совершенстве.

Греве проводил юного парижанина недовольным взглядом, пожал плечами и двинулся вслед за приятелем. Тот прав, конечно: имея в кармане шведский паспорт, по которому он и приехал во Францию, Остелецкий не желал рисковать тем, что в них опознают подданных Российской Империи – благо соотечественников в Париже хватало во всякое время года.

– Кстати, как ты прибыл сюда? – поинтересовался Греве, когда бульвар Сен-Жермен остался позади.

– А по чугунке дружище, сиречь, по железной дороге. Из Петербурга до Варшавы, потом до станции Вержболово. Там вагоны переставили на узкую колею – и привет Восточно-Прусская Восточная железная дорога! Лучше расскажи, как сумел уговорить на эдакую авантюру супругу?

– Да уж пришлось постараться. Спасибо, попалась в журнале статейка одного французского учёного насчёт сокровищ местных индейских царьков – инками их называли, кажется. Камилла, как услышала – сразу загорелась. Сейчас строит планы экспедиции в отроги Анд и даже выписала из Швейцарии какие-то особые башмаки для горных восходителей.

Остелецкий ухмыльнулся.

– Смотри, Карлуша, как бы и правда, не пришлось в горы лезть! Там, как я прочитал, сплошь лёд, снег да королевские кондоры.

– А, вздор… – легкомысленно отмахнулся барон. Прибудем в Чили, придумаю что-нибудь убедительное. А пока, давай-ка поищем, где бы поужинать? У меня, признаться, кишки сводит.

Может, в «Фоли-Бержер»? – предложил Остелецкий. Тамошняя кухня вполне даже комильфо, и барышни танцуют весьма пикантные…

– Ты, видать, погибели моей хочешь? – Греве сделал испуганные глаза. – Если баронесса узнает, что я посещаю подобные заведения, да ещё и без неё – со свету меня сживёт. Нет уж, поехали назад в отель, там и поужинаем. Заодно представлю тебя супруге – раз уж нам предстоит провести целый месяц на одном пароходе, лучше познакомиться заранее.

– Так она с тобой в Париже? – удивился Остелецкий.

– А ты чего хотел, братец? У нас медовый месяц, иначе никак.

И махнул тростью, подзывая фиакр.

Париж, набережная Сены.

Несколькими часами позже.

– …а потом пришла жена того, длинного. Они перед ней расшаркались, велели подать ещё бутылку вина и посидели полчасика. Потом парочка поднялась наверх, в номер, а второй вышел из отеля, взял фиакр и велел ехать к «Фоли-Бержер». Я за ним прицепился и видел, как он вошёл в двери. Наверное, до сих пор там сидит – в этом заведении самое увлекательное программа начинается после полуночи, раньше оттуда никто не уходит, и уж тем более, одинокий мужчина.

Они беседовали на набережной Турнель, возле парапета – массивной чугунной цепи, протянутой на чугунных столбиках. За парапетом несла мутные воды Сена, а вдоль тротуара тянулись знаменитые на весь Париж развалы букинистов. Там толпились студенты, чисто одетые мальчики в сопровождении гувернёров рассматривали тома приключений мсье Жюля Верна и тонкие сборники детективных повестей. Юный собеседник Бёртона (это был, конечно, он, но только без своей известной всем газетчикам Лондона бороды) презрительно посмотрел на них и пустил сквозь зубы длинный плевок – знак высшего презрения парижских гаменов.

– А тебе-то почём знать? – с усмешкой осведомился англичанин. – Или скажешь, что и сам бывал внутри?

– А то, как же, мсье! – ухмыльнулся сорванец. – Мой родственник по матери моет там посуду, он и провёл. Я спрятался за сценой, в какой-то кладовке, и всё видел – даже как девчонки перед выходом чулки подтягивают! Точно говорю, там он сидит!

– Ладно, держи, заработал. – англичанин протянул мальчишке горсть мелких монет. – В каком, говоришь, номере он остановился?

– В шестьдесят пятом, на третьем этаже. Так себе номер, не для Ротшильда. Кстати, другой, который с мамзелью – он однорукий.

Бёртон нахмурился.

– Уверен?

– А то, как же, мсьё! Левой кисти нет. Он руку держит так… осторожно, и пальцы не шевелятся. Неживая у него рука, чтоб моя башка досталась Дрейблеру![5 -

Дрейблеры, отец и сын – главные парижские палачи, гильотинировавшие преступников в конце 19-начала 20-го веков.]

– Хорошо, буду иметь в виду. Так значит, они оба немцы?

– Говорили они, точно, как пруссаки, будто собаки гавкали. Что я, их собачьего языка не узнаю? Но сами не немцы, это уж наверняка. Я, мсье, попросил мальчишку-чистильщика при отеле справиться у портье, откуда они. Оказалось, один приехал из Бельгии, а второй вообще из какой-то Швеции. Это где такая страна, мсье?

– На самом севере Европы, далеко отсюда. – ответил Бёртон, пряча портмоне. Гамен проводил его жадным взглядом.

– Хорошо бы прибавить, мсье… Целый день носился за вашей парочкой, все ноги сбил. Опять же, чистильщику пять су пришлось дать, задаром он и пальцем не шевельнул бы!

Англичанин подумал, затем хмыкнул и одобрительно кивнул.

– А что, и прибавлю – если прямо сейчас найдёшь мне ловкого молодца, который сможет справиться с гостиничным сейфом.

– Запросто, мсье! – физиономия «агента» расплылась в щербатой улыбке. – Есть у меня знакомец, он в два счёта всё обтяпает. Он уже работал в этом отеле, тамошние замки знает, как родные. Если желаете – сбегаю, приведу. Только надо будет сунуть франков пять коридорному, Жилю. Этот мошенник, проведёт вас наверх так, что никто не заметит, и потом обратно выведет!

Теперь мальчишка не сомневался, что наниматель – крупный преступник, охотящийся за солидной добычей. Или даже сыскной агент, вылавливающий прусских шпионов? Недаром о них столько пишут авторы детективных книжонок, которыми полны книжные развалы…

– Веди своего знакомого, получишь три франка. И приходи завтра утром на это место, будет ещё задание.

– Непременно, мсье! – гамен довольно подмигнул англичанину. – Что не сделаешь, чтобы угодить солидному клиенту?

И припустился по набережной, сжимая в кулаке честно заработанные медяки.

Бёртон долго смотрел ему вслед, потом огляделся, выбрал скамейку и уселся, развернув газету. Пока дела складывались удачно: агенты русского военно-морской разведки обнаружены, взяты под наблюдение – и, если повезёт, сегодня вечером он не торопясь покопается в бумагах того, что прибыл из Санкт-Петербурга. А там можно будет подумать и как добраться до второго.

Париж, отель «Le Meurice».

Вечер того же дня.

– Не рискованно ли, мон шер ами, сейчас, когда между Чили, Боливией и Перу идёт война, делать такие серьёзные вложения? Ты хоть знаешь, что они там не поделили?

Баронесса была в лёгкой шали поверх пеньюара – того самого, прозрачного до неприличия, почти не скрывающего соблазнительных форм. Очень хотелось схватить её в охапку и уволочь в спальню, бесцеремонно, даже грубо – как она любит. Но нет, нельзя. Разговор назрел, а если он уступит желанию, то им обоим будет не до рассуждений, как минимум, до утра.

Хотя, это ещё бабушка надвое сказала. Не раз Камилла, едва отдышавшись после очередного тура постельных забав, поправляла тонкий шёлк, прикрывающий грудь с тёмными, словно перезрелые вишни, сосками, и принималась рассуждать о коммерции, а то и политике – сухо, деловито, будто не стонала, не рычала только что тигрицей, впиваясь ногтями ему в спину, будто не изгибалась в порыве страсти, разметав волосы по подушкам…

– Не поделили они, ты не поверишь, дорогая, обыкновенный птичий помёт. – ответил Греве, старательно отводя глаза. – Вернее, его залежи, которые копились там в течение десятков тысяч лет. Местные называют его «гуано», и оно, как оказалось, не только ценнейшее удобрение, но ещё и сырьё для

производства натриевой селитры – а это уже серьёзно, это взрывчатые вещества и порох.

– Порох? – баронесса удивлённо подняла брови. – Из птичьего де… хм… фекалий? Воистину, Господь любит пошутить!

Так и есть, любимая. Так вот, основные залежи этого, с позволения сказать, добра находятся на территории Боливии, в пустынной, почти необитаемой местности близ границы с Чили. Сами боливийцы то ли слишком ленивы, то ли слишком нерасторопны, чтобы развернуть добычу – а потому занимаются этим чилийские дельцы, а соседи лишь получают навар с гуанового экспорта.

– А при чём тут англичане?

– Они всегда «при чём». Британия вложила серьёзные капиталы в чилийские предприятия, а когда боливийцы, опираясь на поддержку северного соседа, решили переделить источники «гуановых» доходов и резко повысили налоги на добычу и вывоз известной субстанции – Лондон спровоцировал войну, рассчитывая при любом её результате остаться в выигрыше.

– А Чили, кроме того, контролирует и Магелланов пролив… – медленно произнесла баронесса. – Кажется, я начинаю понимать.

Барон расплылся в довольной улыбке. Сам он не сильно-то разбирался в политике, тем более, творящейся на краю света, но Остелецкий давеча всё подробно ему растолковал – и вот, пришла пора блеснуть эрудицией перед супругой.

– Ну, ты же сама говорила, что сейчас пойдёт драка за передел морских путей. Недаром французы копошатся на Мадагаскаре, турки спешно укрепляются в Адене…

– …а подданные кайзера присматриваются к острову Занзибар. – усмехнулась женщина. – Если, конечно, твои соотечественники им это позволят. Газеты пишут, что султан души не чает в русских. Я всё понимаю, мон шер, но, может, стоит всё же повременить? Я не собираюсь тебя учить, в конце концов, коммерция, особенно такая – дело мужское, но это, в конце концов, и мои деньги тоже!

Барон насупился. Дражайшая супруга в своём репертуаре: погладит мягкой бархатной лапкой, но и о втянутых до времени в подушечки острых коготках как бы невзначай напомнит…

– Поверь, сейчас самое время. К тому времени, когда ситуация определится, все самые вкусные куски будут уже поделены теми, кто не побоялся вовремя поставить последний рубль ребром.

– Прости, что?

– Это такое русское присловье. Смысл в том, чтобы правильно выбрать время для рискованных ставок.

– А ты уверен, что сможешь выбрать правильно?

– Умные люди посоветовали. Сказали: «есть пароходная компания, британская. Она и вдоль западного побережья латинской Америки суда гоняет, и на линии через Магелланов пролив, в Аргентину и дальше, до самой Британской Гвианы. Из-за войны компания едва концы с концами сводит, тут ты, дорогая, права, – но вскорости процветёт небывало. И самое время сейчас войти в долю с её владельцами, пока кто другой не додумался.

О том, что упомянутые «умные люди» служат под шпицем и носят погоны офицеров Российского Императорского Флота, он решил пока промолчать. Успеется.

– А название у этой компании есть? – осведомилась Камилла. Она как бы невзначай подобрала край пеньюара и принялась поправлять подвязку. Барон представил, как закинет эти ножки в шёлковых паутинках себе на плечи, как делали это японские самураи с гейшами на непристойных акварельных рисунках, которые он приобрёл во время стоянки в японском Сасебо. Как нависнет над разгорячённым, изнемогающим от желания телом, как…

Женщина, поймав его взгляд, улыбнулась и поддёрнула край пеньюара ещё выше.

– «Пасифик Стим Навигейшн Компани», дорогая. – барон нашёл в себе силы отвернуться. – Я имел предварительную беседу с их агентом в Брюсселе, так они предлагают купить тридцать пять процентов акций, плюс перевести два наших парохода с Ост-Индских линий на их маршруты, под гарантии контрактов чилийской армии. Я пока думаю.

– Вот и думай. – Камилла, наконец, справилась с подвязкой и выпрямилась. – Кстати, у меня есть для тебя небольшой подарок.

Она подошла к шкапу, открыла дверку и вытащила коробку.

– Открывай, мон шер! Ой, извини, тебе трудно, наверное. Сейчас я помогу…

Греве поморщился – он не любил, когда Камилла напоминала о его увечье. Перехватил увесистую коробку, поставил на стол, и привычно действуя одной рукой, распустил бечёвку. Крышка полетела на пол, за ним последовала смятая упаковочная бумага. Увидев, что было скрыто под ней, барон помрачнел ещё больше.

Баронесса положила руку на плечо мужу.

– Я помню, любовь моя, что ты не любишь об этом вспоминать, но поверь, тут случай особый. Вот, смотри…

И достала из коробки обтянутый кожей протез левой руки. Нажала на неприметный рычажок на запястье, и половина кисти вместе со звоном откинулась вниз. Глаза у барона полезли на лоб – из оставшейся половины смотрели четыре ствола, на глаз, калибром примерно четыре линии.

– Работа известного льежского мастера. – улыбнулась Камилла. – Он прославился образцами потайного оружия – портсигары, трости, даже перстни с пистолетами.

Она перевернула протез и продемонстрировала изогнутый рычажок, появившийся из узкой щели.

– Это спуск. Можно стрелять по одному, а можно нажать посильнее, и тогда получится залп. Правда, мастер не рекомендовал так делать – говорит, отдача сразу четырёх стволов будет весьма болезненна. А эти ремни – чтобы крепить к руке…

– К культе. – жёстко оборвал барон. – К культе, дорогая. Давай называть вещи своими именами.

Физиономия его оживилась – видно было, что подарок его заинтересовал.

– Как тебе будет угодно. – Камилла ласково провела рукой по щеке мужа. При этом шаль соскользнула на пол, являя взору всё, что было скрыто. – Но, может, ты разберёшься со своей новой игрушкой попозже? Скажем, завтра утром? А сейчас… – она взглянула прямо и вызывающе провела языком по полным губам, отчего Греве разом забыл и о протезах, и пароходных компаниях, и вообще, обо всём на свете. – Сейчас не хочешь ли продемонстрировать мне, как ты владеешь своей правой рукой – и не только ею?

И настойчиво, не слушая сумбурных возражений барона, потянула его к двери спальни.

VII

Июль 1879 г.

Где-то у берегов Южной Америки.

– Торговая посудина, сеньор адмирал. «Императрица Бразилии», полторы тысячи регистровых тонн согласно регистру Ллойда. Идёт под британским флагом, но, готов поставить сотню серебряных солей[6 - «Соль» – перуанская денежная единица. 1 соль равнялся 5 франкам, пять солей равнялись британскому соверену.] против гнилого батата, груз предназначен для чилийской армии.

Мигель Грау опустил подзорную трубу. Вахтенный офицер прав: низкий, вытянутый силуэт, единственная труба, лениво дымящая угольной копотью, две сильно разнесённые мачты выдавали в добыче один из пароходов «Пасифик Стим». Эта компания была хорошо известна адмиралу: её суда, совершавшие в мирное время рейсы вдоль тихоокеанского побережья континента, теперь сплошь зафрахтованы чилийским военным ведомством. Тянущаяся уже полгода война носила своеобразный характер: спорные территории с залежами селитры, из-за которых и начался сыр-бор, располагаются в мёртвой, безводной пустыне Атакама, и единственным способом для обеих сторон доставлять снабжение и материалы войскам оставалось море.

«Уаскар» вышел из порта Кальяо шестого июля с целью прощупать на прочность блокаду порта Икике, установленную чилийским флотом. Но военных кораблей неприятеля перуанцы не обнаружили – зато, покинув порт, почти сразу наткнулись на этого вот англичанина.

– Угольщик, надо полагать. – буркнул контр-адмирал, складывая длинную подзорную трубу. – Поднимите сигнал: «Предлагаем команде покинуть судно. После этого оно будет потоплено».

Старшина-сигнальщик вытащил из деревянных лотков туго свёрнутые сигнальные флажки и прицепил их к фалам. Пёстрая лента толчками поползла вверх, к стеньге монитора. Вахтенный офицер не отрывал линз бинокля от торгаша – не прошло и пяти минут, как там заплескались флажки ответного сигнала.

«Следуем под британским флагом, ваше распоряжение исполнять отказываемся».

– Каков наглец! – с удовольствием произнёс Грау. – Дайте предупредительный выстрел по курсу, глядишь, и одумаются…

И покосился на молодого человека в штатском, устроившегося на крыле мостика рядом с сигнальщиком. Репортёр столичной газеты, взятый на борт во время захода в порт Арика для угольной погрузки. Адмирал на дух не переносил газетчиков и, если бы не письмо президента Республики, который тот предъявил, поднявшись на борт, черта с два он потерпел бы его на своём корабле! Как его там зовут – Антонио Кукалон? Грау едва удержался от того,

чтобы сплюнуть за борт – репортёр раздражал его несказанно. В особенности бесил его белый пробковый шлем, вроде тех, какие носили офицеры британских колониальных войск. Адмирал даже подумывал приказать стащить с головы щелкопёра его дурацкий головной убор и выбросить за борт. Шлем, разумеется, не его владельца. От этого вполне простительного душевного порыва адмирала удерживало всё то же письмо президента.

А на «Императрице Бразилии» никто и не собирался одумываться. Приближалась ночь, и «Уаскару» пришлось долго маневрировать, отрезая жертву от берега, угрожать ударом тарана, давать предупредительные выстрелы из погонной пушчонки, пока упрямый английский шкипер не сбросил, наконец, ход, и угольщик закачался на крупной океанской зыби. Контр-адмирал уже приказал высылать шлюпку с призовой партией, когда на горизонте появился дым, и сигнальщик отрапортовал, что видит мачты военного корабля.

Через четверть часа силуэт пришельца уже ясно рисовался на западной, ещё светлой стороне горизонта.

– Корвет «Магальянес» – вынес вердикт Грау. – Девятьсот пятьдесят тонн, два орудия на поворотных платформах, сто пятнадцать и шестьдесят четыре фунта. Ход одиннадцать узлов против наших десяти. – Возвращайте шлюпку, сейчас начнётся веселье…

Ночь в южном полушарии наступает вдруг. по щелчку Только что половина горизонта золотилась в последних лучах солнца – и вот уде небо залито лиловой чернотой, и высыпали крупные звёзды, и путеводный Южный Крест сияет алмазной диадемой… Но сейчас эта красота не радовала адмиральское сердце: ночной бой вообще тяжёлое занятие, а уж для «Уаскара» с его крайне неторопливой (и это ещё мягко сказано) артиллерией – так и в особенности. «Магальянес», пользуясь незначительным преимуществом в скорости, раз за разом уворачивался от таранного удара, осыпая врага снарядами. В цель, правда, угодил только один – в броневой пояс, не нанеся сколько-нибудь заметных повреждений, несколько вылетевших заклёпок да лёгкая течь, открывшаяся в угольных ямах не в счёт.

Но долго это продолжаться не могло. Перуанцы умело маневрируя, исхитрились подловить неприятеля на крутой циркуляции. Грозный шпирон «Уаскара», прошёл в десятке футов от борта корвета, но, то ли удача, то ли мастерство рулевых спасли чилийцев и на этот раз. А малое время спустя к месту боя

подошёл, отчаянно дымя обеими трубами, казематный броненосец «Бланко Энкалада», один из двух, имевшихся в чилийском флоте, и Мигель Грау скомандовал отходить на норд-вест, куда двумя часами позже ушёл захваченный угольщик.

К третьей склянке с мостика приказали сбавить обороты на четверть от полных – машины «Уаскара» давно нуждались в ремонте, и Грау не желал рисковать. Он даже пожалел, что после модернизации монитор остался без парусной оснастки – попутный ветер мог прибавить узла полтора к его ходу. Но чего нет, того нет – и оставалось только ожидать развития событий, стоя на мостике, и обсуждать с вахтенным офицером давешний бой.

– К сожалению, наши орудия, хоть и способны произвести впечатление своими размерами и весом снарядов, но мало приспособлены к морскому бою, – рассуждал адмирал. – Для бомбардировки берега они ещё сгодятся, а вот для стрельбы по маневрирующему неприятельскому судну – извините! В этом мы убедились ещё во время стычки с «Шахом и «Аметистом», когда за три часа боя две наши пушки сделали всего семь выстрелов – по одному в сорок минут! Вот и сейчас: мы разбрасываем дорогущие конические бомбы впустую, тогда как один-единственный удар тараном способен принести решительный успех! Взять к примеру, кампанию на русской Балтике, или сражение при Александрии между турецкой и британской эскадрами: там тараны сыграли чуть ли не основную роль, отправив на дно не один боевой корабль!

– Да, остаётся только сокрушаться, что у нас нет специального судна-тарана, бронированного, низкобортного, несущего, кроме орудий, самодвижущиеся мины. – поспешил согласиться с начальством вахтенный офицер. – Ведущие морские державы, Франция и Англия, уже строят такие. Нашим умникам из правительства не худо бы задуматься о приобретении подобного корабля. Например, заказать у нортамериканос – чем плохо? И через океан не надо тащить. Вспомните, как вы в своё время намучились с «Уаскаром» – одна только потеря лопасти винта во время шторма в Центральной Атлантике!

– Я слышал, янки строят на Западном побережье мониторы для обороны прибрежных городов. – подал голос Кукалон, внимательно прислушивавшийся к беседе. – Наверняка их тоже оснастят таранами – передовая в плане техники нация, иначе невозможно. Вот бы подать мысль сеньору президенту: выкупить один из них? Сейчас, после потери «Эсмеральды», он нам очень пригодился бы, а то два других наших монитора, «Манко Капак» и «Атауальпа» годятся, разве что,

для защиты акваторий портов – в океан им лучше не соваться.

Адмирал в раздражении вскинул голову и обратил на репортёра взор, полный гнева. Смешанного, впрочем, с удивлением – словно чугунный палубный кнехт вдруг заговорил и, мало того, сказал нечто, заслуживающее внимания.

Щелкопёр, в самом деле, прав. Конечно, им пока везёт, но ведь нельзя же в одиночку противостоять всему чилийскому флоту? После того, как «Эсмеральду» сожгла её собственная команда, «Уаскар» оставался единственной броненосной единицей перуанского флота, способной всерьёз противостоять чилийским «Адмиранте Кохрейну» и «Бланко «Энкалада», и это не считая выводка корветов и канонерок, вроде давешнего «Магальянеса». Конечно, казна республики пуста – но, может, президент Луис Ла Пуэрта сумеет раздобыть деньги? Скажем, взять займ. Британцы не дадут, они поддерживают чилийцев, но что, если обратиться к их заклятым врагам, нортамериканос? Или к французам – те в последнее время активно лезут в латиноамериканские дела. Адмирал согласился бы даже принять помощь от Испании. В конце концов, испанцы далеко, а чилийский флот – вот он, под боком. Другое дело, что правительство Альфонсо XII-го испытывает сейчас серьёзные трудности, и вряд ли захочет разбрасываться средствами для помощи своим бывшим колониям.

Уйти от погони не удалось. На следующий день, когда уже солнце стояло высоко над горизонтом, «Бланка Эскалада» и «Магальянес» нагнали, наконец, «Уаскар». Монитор давно сидел костью в горле у чилийского флота, и теперь командор Гальварино Риверос Карденас, командующий эскадрой, намеревался навсегда с ним покончить. Но на этот раз военное счастье приняло сторону перуанцев: машины корвета, измученные ночной погоней, стали сдавать, и он постепенно отставал от флагмана. «Бланка Энкалада» уверенно держал дистанцию в двенадцать кабельтовых – но, чтобы дать залп из погонных казематных орудий, броненосцу приходилось слегка доворачивать то вправо, то влево, сбивая и без того неверный прицел. С «Уаскара» ему отвечала единственная ретирадная сорокафунтовка, тоже без видимого результата.

На этом, собственно, всё и закончилось. Чилийские снаряды ложились с большим разбросом, и через час такой канонады раздосадованный Карденас приказал задробить стрельбу и сбавить ход. Приходилось признать, что проклятый «Уаскар» снова сумел вырваться из челюстей чилийского флота в тот самый момент, когда те готовы были сомкнуться и сокрушить неприятеля.

Однако, вовсе без потерь не обошлось. В разгар канонады неутомимый Кукалон покинул мостик и направился на ют. Пушечный дым, пальба, вид фонтанов, поднятых снарядами, бессильно падающими в отдалении от монитора, привели его в сущее неистовство. Как рассказывал позже в кубрике «Уаскара» артиллерийский унтер-офицер Хорхе Адоньес, ставший свидетелем этой сцены, «щелкопёришка скакал, размахивал руками, словно бразильская обезьяна, делал непристойные жесты и всё время выкрикивал оскорбления в адрес преследователей». За что и поплатился – когда Грау желая затруднить прицеливание чилийским комендорам, скомандовал правый координат, «Уаскар» резко накренился на полном ходу – и незадачливый репортёр вылетел за борт, словно пробка из бутылки шампанского. Адоньес успел сорвать с лееров спасательный круг и швырнуть бедняге вслед, но круг затянуло под винт, и унтер успел разглядеть лишь мелькающую в пенной кильватерной струе голову в белом тропическом шлеме.

Когда Мигелю Грау доложили об этом происшествии, он лишь злорадно ухмыльнулся. «Ничего, выплывет как-нибудь на своём дурацком колпаке. Он ведь, кажется, из пробки, как и спасательные пояса?»

Адмирал как в воду глядел. Репортёр – вернее память о нём, поскольку самого Кальдерона более никто не видел – действительно «выплыл» именно благодаря своему примечательному головному убору. С тех пор по всей Южной Америке колониальные шлемы тропического образца, носимые гражданскими лицами, стали называть «кукалонами». Кроме того, фамилия несчастного журналиста сделалось своего рода нарицательным для обозначения надоедливых штатских, лезущих без необходимости в дела военных. Что ж, не самая скудная эпитафия – многие и того не удостоились…

Сутки спустя «Уаскар» бросил якорь на рейде Кальяо, а ещё через три дня личный посланник президента Луиса Ла Пуэрты отбыл на французском пакетботе на север. При себе он имел письма к администрации САСШ и французскому консулу в Сан-Франциско касательно предоставления военного займа республике Перу. Идея безвременно почившего Антонио Кукалона начинала обретать реальные очертания.

VIII

Июль 1879 г.

Северная Атлантика, 28° северной широты.

– Вот убей, не пойму, что нашему богоспасаемому Отечеству понадобилось в этом, простите мой французский, афедроне мира?? Всего ничего спуститься к югу – и можно заглянуть вниз с земного диска и полюбоваться хоботами тех самых слонов! В детстве, помнится, как прочитал книжку с индийскими легендами, где о сём говорится – так мечтал свесить с края земного диска верёвку и спуститься к слонам. Всё меня занимало: что они там едят?

Судно находилось в море уже вторую неделю. Выйдя из Остенде, «Луиза-Мария» зашла сначала во французский Брест, где на борт поднялся Остелецкий. «Конспирация, дорогой барон, конспирация! – объяснил он свою задержку. – Лишний раз перестраховаться не мешает, да и прихватить кое-кого требовалось после Парижа…»

«Кое-кто» оказалось дюжиной крепких молодцов, навьюченных металлически звякающими сумками и баулами. «Моё, так сказать, сопровождение. – пояснил Остелецкий. – В краях, куда мы, Гревочка направляемся, они лишними не будут. А пока, вели устроить их где-нибудь, да так, чтобы с командой парохода лишний раз не пересекались».

Закадычные друзья беседовали, стоя на шкафуте. Форштевень с шуршанием режет воду, слепящие солнечные блики играют на мелкой волне, отскакивают от воды, словно от осколков зеркала, вспыхивают на бортах, на подволоках кают, весело прыгают по стенкам надстроек, по стоящим на кильблоках шлюпкам, по траурно-чёрному кожуху дымовой трубы и раструбам вентиляторов. Позади остался Бискайский залив и переход к Канарским островам. «Луиза-Мария», нарядная, сверкающая надраенной медяшкой, несёт хозяев в свадебное путешествие – к далёкому горизонту, где уже угадывается в полуденном мареве зубчатый профиль острова Тенерифе.

– То-то, что не поймёшь, Гревочка. А вот твоя жена сразу обо всём догадалась. В том числе и насчёт «Пасифик Стим» – кто, мол, это такой умный тебе советы даёт?

Греве вздохнул. Камилла после завтрака закрылась в каюте, прячась от дневной жары, и теперь они с Остелецким были предоставлены друг другу. Но барон не питал иллюзий – вечером из него вытянут каждое слово сказанное гостем из Петербурга. Сопротивляться бесполезно, у баронессы это получалось не хуже, чем у испанских инквизиторов. Правда, несколько иными методами.

– Что же насчёт слонов, – продолжал Остелецкий, – то выбрось их из головы. Нет там никаких слонов, одни пингвины. Вот пойдём Магеллановым проливом – может, и увидишь.

– Да видел я их! – отмахнулся барон. – Когда мыс Доброй Надежды огибали, тогда и видел. Скалистый берег весь в пингвинах, точно как солидные господа во фраках и крахмальных визитках – чёрно-белые, упитанные, и всё время гогочут…

– Вот и хорошо, что видел, значит, сюрпризов будет меньше. Что до того, что начальству из-под шпица понадобилось на краю света – я, признаться, поначалу тоже удивился. Но, слава богу, нашлись добрые люди, разъяснили. Видишь ли, могущество Британской Империи во многом выросло из того, что они сумели к концу восемнадцатого века взять под свой контроль главные торговые маршруты. Суэцкий канал, Южная Африка…

– Газеты пишут, в Южной Африке у англичан не всё ладно. – перебил собеседника барон. – Хоть президент Трансвааля Томас Бюргерс и отговаривает африканеров браться за оружие, но любому наблюдателю очевидно: долго это не продлится. С нынешней политикой британских властей, так в особенности.[7 - В реальной истории Первая англо-бурская война началась в конце 1880-го года.] Это надо было додуматься: взыскивать недоимки по налогам за годы, предшествовавшие аннексии Оранжевого свободного государства! Неудивительно, что буры готовы взбунтоваться! А тогда найдётся немало желающих помочь отвоевать свободу. Мы, скажем, или те же немцы с голландцами. Им буры, считай, родня!

– Об этом я тебе и толкую! Но если кто-то вознамерится вырвать зубы у британского льва, то он должен не топить английские броненосцы и даже не поднимать мятежи среди покорённых народов. То есть, это, конечно, дело полезное и даже необходимое, но главное всё же – перехватить у них из рук торные океанские дороги и крепко встать там, где эти дороги сходятся. В естественных «узостях», которых никак не миновать: Гибралтар, Мыс Доброй Надежды, Баб-эль-Мандебский и Малаккский проливы… да что я тебе объясняю, сам прекрасно всё знаешь – после вашей-то одиссеи!

Греве кивнул. Действительно, почти полугодовое крейсерство в Индийском океане, в котором он участвовал, в качестве офицера русского военного клипера, как раз и было нацелено против морской торговли, этой ахиллесовой пяты Британской Империи.

– Так о чём бишь я?.. – продолжал Остелецкий. – Дело ведь не в том, чтобы самим взять под контроль узкие места морских торговых путей, а в том, чтобы этого не сделала Англия. Это ведь сейчас они ослаблены – но ты и моргнуть не успеешь, как островитяне опомнятся от поражений и возьмутся восстанавливать статус-кво. России пока не под силу помешать Британии «править морями» – так, кажется, поётся в их гимне? В одиночку – да, не под силу, а вот в союзе с другими державами…

– Консорциум Суэцкого канала? – понимающе усмехнулся барон.

– Да, и Аден, доставшийся османам. И Занзибар, на котором Российский Императорский Флот будет теперь присутствовать вместе с германцами. Курочка по зёрнышку, знаешь ли.

– Ты повторяешь слова моей дражайшей супруги. – ухмыльнулся барон. – И про Суэц, и про Занзибар…

– Как я уже имел удовольствие отметить, мадам Камилла – умнейшая женщина. – серьёзно ответил Остелецкий. – Держись за неё, мин херц, не пропадёшь.

Барон насупился. Дифирамбы, обильно расточаемые уму и талантам супруги начали его утомлять.

– Так я, с твоего позволения, продолжу. – Остелецкий вытащил кожаный портсигар, извлёк бледно-зелёную гаванскую сигару, провёл ею под носом, смакуя запах. – Сейчас на главных морских путях англичане либо потеснились, либо вынуждены терпеть соседство других держав, как это вышло с французской аннексией Мадагаскара. Закрепятся лягушатники, построят базу флота – и это в двух шагах от мыса Доброй Надежды, маршрут вокруг которого только и остался Британии после потери Суэца и Адена! Можешь себе представить, чтобы они стерпели нечто подобное перед войной? Да ни в жисть!

Остелецкий извлёк из кармана складной ножик с круглым отверстием в рукояти. Раскрыл, вставил в отверстие кончик сигары и, действуя лезвием, как гильотинкой, отделил кончик, и принялся раскуривать. Барон терпеливо ждал, пока приятель закончит священнодействие.

– Таким образом, – снова заговорил Остелецкий, пуская первые клубы ароматного дыма, – полностью полагаться на маршрут вокруг Африки англичане не рискнут. А значит, им остаётся – что?

– Маршрут в обход Южной Америки? Так они смогут беспрепятственно добираться до своих колоний в Индии и Австралии.

– Именно! И заметь, англичане не теряют времени даром: пока в проливе стоит только коммерческая угольная станция, устроенная, между прочим, твоей разлюбезной «Пасифик Стим» – но ведь лиха беда начало! Стоит Лондону договориться с властями Чили – а они договорятся в обмен на военную помощь, – и там появятся уже британские стационеры. А дальше и береговые батареи построят, и стоянку для судов Королевского флота. И тогда – не пройти мимо них, ни проехать. Вести войну в такой Тмутаракани ни одной державе не под силу, а у англичан под боком и Фолклендские острова, и Британская Гвиана, и до Южной Африки не так уж далеко. Поди, выкури их оттуда!

– И вы хотите с моей помощью взять под контроль «Пасифик Стим» и таким образом помешать англичанам?

– Это будет только первый шаг. Я ведь не зря упомянул о войне, которая сейчас идёт между Чили, Боливией и Перу. На их селитру и птичье дерьмо нам, в общем-то, наплевать, а вот помочь перуанцам не уступить южному соседу – это значит серьёзно нарушить планы англичан. Для этого мы с тобой, Гревочка, туда

и направляемся. Другой вопрос, что делать это придётся исподволь, возможно – чужими руками. Ничего не попишешь, дружище, такая уж у нас теперь служба… – добавил он, увидев, как скривился барон. – Сам посуди: броненосную эскадру с Балтики туда враз не пригонишь, один-два клипера, если прислать их на помощь перуанцам, дела не решат. Вот и приходится изыскивать иные, не столь эффектные и героические способы.

Звякнул колокол, приглашая пассажиров «Луизы-Марии» к столу. Барон оглянулся – на полуюте лёгким кружевным облачком белело платье Камиллы.

Распорядок дня для пассажиров «Луизы-Марии» был составлен на английский манер: завтра в восемь утра, ланч в час пополудни, вечером, в пять часов – неизменный файф-о-клок, к которому подавали свежие булочки и тосты с вареньем. И, наконец, в восемь пополудни – обед. Меню предлагалось континентальное: на ранний завтрак подавали кофе, а не чай, а к ланчу вместо принятой на островах холодной говядины и сыра – супы, рыбные блюда и жаркое.

Сегодня кок решил порадовать господ суп-кремом из брокколи и и яйцами кокотт в шампиньонном пюре. Остелецкий упражнялся в остроумии, сравнивая французские изыски с казённой кормёжкой на судах российского флота – разумеется, неизменно в пользу последней. Греве горячо поддержал друга, вызвав недовольную гримаску на лице супруги: «как вы можете мон ами: щи, каша, солонина, это всё так грубо! Я бы трёх дней на ней не прожила на такой пище…» Остелецкий, похохатывал, вставляя в беседу сочные описания из быта матросских кубриков, чем ещё больше распалил негодование собеседницы – шуточное, разумеется.

– К восьми склянкам станем на рейде. – сообщил шкипер Девилль, дождавшись, когда пассажиры закончат кулинарный диспут. – Вам, барон, насколько я помню, приходилось здесь бывать?

– Так и есть, мсье. – кивнул Греве. – Наш «Крейсер» из Филадельфии отправился сначала на Карибы. Приняли в Гаване уголь и провиант, потом перемахнули Атлантику, и следующая стоянка была в Санта-Крус де Тенерифе.

И показал вилкой на конус древнего потухшего вулкана Тейде, наивысшей точки Канарских островов, несколько часов, как показавшегося из-за горизонта.

– Дальше мы должны были следовать в обход мыса Доброй Надежды, в Индийский океан. На заход в Кейптаун надежды тогда было немного, войны ждали со дня на день – вот и пришлось забункероваться до упора, и даже сверх того. Не поверите: у нас все палубы были загромождены мешками с углём и камышовыми клетками с курами, а на полубаке соорудили дощатый загончик для свиней! Такое, помнится, амбре стояло, пока всех хрюшек на камбуз не перетаскали…

– Ты лучше расскажи, как вы с Тенерифе драпали! – перебил бароновы воспоминания Остелецкий. – Мадам, вам ведь известна эта история?

Брови Камиллы удивлённо взлетели вверх.

– Нет, мсье, представьте – понятия не имею. Что там такое было, мон шер?

– А-а, вздор… – Греве пренебрежительно махнул рукой. – На Тенерифе мы пришли в октябре, и война Англией, как я уже говорил, видна была уже невооружённым глазом. На Тенерифе стоял стационером британский броненосный фрегат «Шеннон». Противник весьма серьёзный – такому, если дойдёт до драки, наш «Крейсер» на один зуб. Тактика англичан была понятна: стоит нам уйти с рейда, как «Шэннон» увяжется за нами. Надо было срочно выдумывать, как избавиться от этой опеки и, скажу без ложной скромности, идея принадлежала вашему покорному слуге…

Барон откусил кусочек тоста с вишнёвым джемом, отхлебнул кофе.

– Так вот. Городишко Санта-Крус де Тенерифе, в числе прочих достопримечательностей, может похвастать оперным театром. Труппа там, конечно, хиленькая, ну да на безрыбье и рак рыба. На третий день стоянки, после угольной погрузки и большой приборки наш командир, капитан-лейтенант Михайлов, дай Бог ему здоровья, отпустил команду на берег – напиться, гульнуть в портовых кабаках, лаймам морды понабивать – это уж как водится. А для господ офицеров были подготовлено развлечение поизысканнее: из экономических сумм капитан-лейтенант приобрёл билеты в оперу, на лучшие места. Узнав об этом, англичанин, командир «Шеннона» решил не ударить в грязь лицом и последовал его примеру. Первый акт наши офицеры просидели в зале, наслаждаясь испанскими баритонами и сопрано, а после антракта стали, как бы невзначай, по одному, покидать зрительный зал. Одновременно по

портовым кабакам боцмана со специально отряжёнными командами вылавливали и возвращали на борт матросиков. Так что, когда последний из офицеров прибыл на клипер, команда была в сборе, пары разведены, «Крейсер» готов был выйти в море. Покидая бухту, мы прошли полукабельтове от «Шеннона», стоявшего на якоре без паров, с одной стояночной вахтой – и слышали бы вы, как лаймы нас поносили, когда поняли, что происходит!

Камилла рассмеялась.

– И правда, прелестная история, мон шер! Положительно, она могла бы стать украшением авантюрного романа в стиле мсье Дюма-сына. Надеюсь, у тебя есть ещё что-нибудь подобное в запасе?

– Увы, дорогая… – барон сделал постную физиономию. – Мыс Доброй Надежды мы миновали без приключений, а вскорости встретили и «Луизу Марию». Так что всё дальнейшее происходило на твоих глазах – кроме финала на Занзибаре, разумеется. А вот наш гость… – он мстительно ухмыльнулся товарищу, – наверняка может многое порассказать!

– В самом деле, мсье Остелецкий! – подхватила баронесса. – Теперь ваш черёд. И не смейте отказываться – ни за что не поверю, что вам нечего рассказать!

Венечка развёл руками.

– Куда мне до такого морского волка, как ваш супруг, мадам! Я и в океане-то впервые…

– Ну-ну, не скромничайте! – Камилла надула губки. – Признайтесь честно, что попросту не желаете!

– Ну, раз уж мадам настаивает… – сдался Остелецкий. – Был, помнится, один в случай в Порт-Саиде. Только, сразу предупреждаю: он скабрёзен до крайности!

– Тогда тем более, давайте! – баронесса оживилась. – Обожаю неприличные истории!

– Ну, хорошо. – Остелецкий откашлялся. – Корвет, на котором я тогда служил, пришёл в Порт-Саид в составе объединённой русско-турецкой эскадры. Ну и наш командир, как старший морской начальник на рейде, устроил на судне приём для представителей дипломатического корпуса. Подобной публики собралось тогда в Порт-Саиде превеликое множество, на переговоры о статусе Суэцкого канала! Ну, явились все эти расфуфыренные господа на борт – и не одни явились, а с жёнами. На палубе для них расставили столы, приглашённый с берега оркестр наяривает, вестовые в накрахмаленных голландках разносят перемены блюд.

И всё бы ничего, но у супруги французского посланника возникла необходимость из разряда «попить наоборот». А корвет наш был из ранней серии, построенный ещё в начале шестидесятых, в Архангельске, и гальюн на нём располагался, как и на прочих парусниках – под бушпритом, между риделями. Супруга посланника, догадываясь, что половина подзорных труб и биноклей на окружающих судах в тот момент нацелены на нас, не решилась эпатировать своей обнажённой… хм… кормовой частью весь Порт-Саид, и отправилась на поиски местечка поукромнее. Увидела открытый люк с трапом, заглянула, никого там не увидела, спустилась на несколько ступенек и принялась задирать свои оборки. На её беду как раз под этим трапом возился матросик-первогодок – подкрашивал что-то по указанию боцмана. Заметив вверху эдакое непотребство, матросик задул светильник и притаился в полутьме. И когда француженка, устроившись поудобнее, с упоением зажурчала, матросик макнул кисть в кандейку с краской и мазнул ей меж ног. Мадам посланница, натурально, завопила и выскочила, как была, растрёпанная, на шкафут, пред взоры обедающей публики…

Камилла, зардевшись, прыснула в салфетку. Греве кис от смеха.

– …скандал, разумеется, вышел феерический. Командир корвета сделался чёрен лицом, спустился в низы и потребовал доставить к себе виновного. Ну, его доставили. Надо наказывать – а за что? Петровским морским уставом предусмотрено многое, но вот именно такого случая там нет. В главе шестая на десять, пункте 129, например, есть «Кто женский пол изнасильствует и освидетельствуется, за то оной живота лишен да будет, или вечно на галеру послан будет, по силе дела». Но ведь не было насильственного действа! Наконец, в разделе «Чищенье и покраска кораблей» нашли зацепку: «Всяк матрос, нашедший на корабле щель и закрасивший оную предварительно не проконопатив, подлежит наказанию плетьми у мачты и лишению воскресной чарки сроком на год».

– И что? – едва сумел выговорить Греве. Он весь был красный, как рак от смеха. Камилла уткнулась лицом в сложенные ладони, плечи её беззвучно сотрясались.

– Как – что? Статьи этой никто не отменял – так что, и выпороли, и лишили. С уставом, брат, шутки плохи!

– «…предварительно не законопатив!..» Ну, ты, брат Вениамин, и отмочил! Историю эту, про Порт-Саид и супругу французского посланника – признайся, выдумал? Я доподлинно знаю: не служил ты ни на каком корвете, да и корветов наших в Средиземном море тогда не было!

– Выдумал, да не совсем. – Остелецкий состроил невинную мину. – Приключилась эта коллизия при государыне-матушке Екатерине Великой, только не с женой посланника, а с фрейлиной государыни, когда та на флагмане Черноморской эскадры обедать изволила со всей придворной камарильей. Что до Порт-Саида – то мне действительно довелось там побывать, но о тогдашних своих делах, уж извини, рассказать не могу. Даже тебе.

Они наблюдали, как матросы под руководством судового плотника стучат молотками, подводя подкрепление палубы под установку орудий. Их было два – оба с клеймами «Крупп Штальверке» на казённиках, нарезные, калибром сорок две линии на поворотных станках. Приспособленные для стрельбы разрывными гранатами и чугунными коническими ядрами, эти пушки не представляли серьёзной угрозы для броненосных судов, но были весьма опасны для безбронных корветов, канонерок и вооружённых пароходов. Греве намеревался, как только «Луиза-Мария» минует экватор, поднять орудия из трюма и установить на палубе. Обслугу, дюжину канониров и двух унтеров, набрали в Риге, из отставных военных моряков. Остелецкий привёз их вместе со своими «пластунами» и разместил в носовом трюме – сейчас артиллеристы помогали матросам с подкреплениями полубака.

– Кстати, о происшествиях, – сказал Остелецкий, – Помнишь отель, где мы останавливались в Париже?

– Конечно. – кивнул Греве. – Весьма приличное заведение, и кухня в ресторане отменная.

– Приличное, говоришь? А вот меня в этом приличном заведении обокрали-с! Я тогда вернулся из «Фоли-Бержер» навеселе, и сразу повалился спать. И только утром обнаружил, что без меня в номере кто-то побывал.

– Что ты говоришь? – барон встревожился. – И много взяли?

– Из сейфа в кабинете номера пропало пятьдесят золотых наполеондоров и пачка кредитных билетов Германского Имперского Банка.

– А бумаги какие-нибудь были? Служебные?

– Было кое-что. – неохотно признал Остелецкий. – Но они-то как раз остались на месте, так что я решил, что это обычные воры.

– Хороши воры – сейф сумели вскрыть! Ты хоть администрации отеля сообщил?

– Нет, не хотел впутывать полицию. Мне их внимание, сам понимаешь, было тогда ни к чему.

– Ну, может и правильно. – согласился с другом барон. – А всё же, не нравится мне эта история. А если это всё же не воры? Что в тех бумагах было?

– Да так, больше по мелочи… – Остелецкий ответил неохотно, после некоторой паузы. – В основном, справки насчёт финансового положения «Пасифик Стим». Те, что я тебе днём в кофейне показывал, припоминаешь?

Барон кивнул. Он хорошо помнил эти документы – именно они укрепили его в решимости приобрести пай в британской пароходной компании.

– Слушай, если сейф взломали из-за бумаг, то, значит, и за нами могут следить? Ты пройми, я не за себя беспокоюсь!

– За супругу – понимаю, что ж тут неясного? – отозвался Остелецкий. – Прости, дружище, но тут я тебя разубеждать не стану, потому как и сам ни в чём не уверен. Да, вполне может статься, кто-то в те бумаги и заглянул. Так что, очень вовремя ты пушки ставишь. С ними, знаешь ли, как-то спокойнее.

– С ними и с твоими «морскими пластунами». – согласился барон. – Я давеча заглянул в носовой трюм, где ты они устроились, полюбовался, как они упражняются с ножиками и шашками. Сущие головорезы, доложу я тебе! И где вы таких нашли?

– Военный секрет. – с ухмылкой ответил Остелецкий. – Что ты, маленький, о подобных вещах спрашивать? А если серьёзно – ты прав, Гревочка, с этими молодцами, и вправду, на душе спокойнее. Дорога дальняя, мало ли что приключится?

IX

Июль 1879 г. Северо-Американские

Соединённые Штаты, Норфолк

Решётчатая деревянная стрела крана дрогнула, заскрипели блоки, трос побежал, наматываясь на барабан, вращаемый паровой машиной. Тяжеленный металлический лист, издырявленный по краям, оторвался от деревянных брусков и поплыл по воздуху. Десятки рук подхватили его, наклонили, установили по месту. Другие руки, вооружённые длинными кузнечными клещами, выхватили из пышущих жаром горнов раскалённые до вишнёвого свечения заклёпки. Загрохотали клепальные молотки, полетели искры – и лист занял своё место в броневом поясе.

– Похожее судно нам предстоит принять в Сан-Франциско. – объяснял Повалишин. – Американцы после боя в Чесапикском заливе спешно кинулись обновлять мониторный флот – достраивать недостроенные, закладывать новые, вносить изменения в устаревшие образцы. Этот, к примеру – один из четырёх двухбашенных мониторов типа «Миантономо», заложенных ещё во время войны Севера и Юга. Из них в боевых действиях успел поучаствовать только «Монаднок», остальные были достроены уже после войны, и почти сразу были выведены в резерв. В семьдесят четвёртом, когда дело едва не дошло до войны

с Испанией, их решили спешно отремонтировать и ввести в строй, но оказалось, что деревянные, обшитые бронёй корпуса успели прогнить насквозь. В итоге, их списали на лом, а под их именами заложили новые. Причём сделано это было так, что корабли продолжали числиться в ремонте – и когда в прошлом году снова запахло жареным, выяснилось, что к службе пригоден один лишь «Пуритан», да и тот, весьма условно.

Серёжа, задрав голову, смотрел на очередной лист брони, раскачивающийся на талях.

– Я слышал, он отличился при штурме Квебека?

– Так и есть. – кивнул Повалишин. – Американцы ввели в устье реки святого Лаврентия эскадру из двух мониторов, «Пуритана» и «Уайандотта» и трёх колёсных канонерок. Они и раскатали батареи, прикрывающие Квебек. Если бы не эта поддержка – мятежники бы кровью умылись, а так – потеряли всего восемьдесят пять человек убитыми да сотни полторы ранеными.

– А что англичане? Они что, не помешали?

– Э-э-э, батенька, так у них там был только старый парусный шлюп и речная колёсная канонерка. Они, конечно, оказали сопротивление, но сила солому ломит. Шлюп «Пуритан» отправил на дно тараном прямо на якорной стоянке, а канонерка спустила флаг, после того, как три бомбы с «Уайандотта» сначала расколотили ей котёл, а потом перебили расчёт единственного орудия.

– А этот монитор – как он попал в Сан-Франциско? Вроде, все четыре строили на Восточном побережье?

– Да, здесь, в Норфолке. «Монаднок», как я вам уже говорил, достроили за семь месяцев до окончания войны. Монитор успел поучаствовать в бомбардировке форта Фишер, а потом, после ремонта – его броня выдержала пять попаданий с береговых батарей конфедератов! – отправился в Мексиканский залив, охотиться за «Стоунволлом», новейшим броненосцем южан. Но эпического сражения не случилось: командир «Стоунволла», узнав о капитуляции армии генерала Ли, ушёл в Гавану, к испанцам и там разоружился. А «Монаднок» вскоре отправился на Тихий океан – и дополз туда аккурат к начавшейся войне.

– Это между Испанией с одной стороны, и Перу, Бразилией и Боливией – с другой?

– Точно так-с! Американцы тогда поддерживали бывшие испанские колонии в их борьбе против метрополии, и в посольстве в Кальяо нашлись горячие головы, решившие угрожать испанцам пятнадцатидюймовками «Монаднока». Испанский адмирал оказался не из пугливых, и стал готовиться к бою, но до прямого столкновения дело не дошло. С тех пор североамериканцы изо всех сил препятствуют вмешательству европейских держав в латиноамериканскую политику. Доктрина Монро – слыхали?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Документ, выдаваемый перевозчиком груза грузовладельцу. Удостоверяет право собственности на отгруженный товар.

2

Р. Киплинг, «Якорная»

3

Устаревшее название Тайваня

4

снасть, с помощью которой нижняя кромка прямого паруса подтягивается к рею.

5

Дрейблеры, отец и сын – главные парижские палачи, гильотинировавшие преступников в конце 19-начала 20-го веков.

6

«Соль» – перуанская денежная единица. 1 соль равнялся 5 франкам, пять солей равнялись британскому соверену.

7

В реальной истории Первая англо-бурская война началась в конце 1880-го года.

Купить: https://tellnovel.com/ru/batyrshin_boris/kurs-na-yug

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить